

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

М.Ю. Досталь

**Становление славистики
в Московском университете
в свете архивных находок**

Избранные очерки

Москва 2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

М.Ю. Досталь

**Становление славистики
в Московском университете
в свете архивных находок**

Избранные очерки

Москва 2005

ББК 72.3

Д 70

Рецензент:

доктор исторических наук *И.В. Чуркина*

Досталь М.Ю.

Д 70 Становление славистики в Московском университете
в свете архивных находок: Избранные очерки.– М.: Ком-
пания Спутник+, 2005. – 96 с.

ISBN 5-93406-976-4

В очерках на основе первостепенно важных архивных материалов проанализированы первые шаги утверждения славяноведения как научной дисциплины в стенах старейшего университета России. Исторические экскурсии в славистику М.П. Погодина дополняют лекции «по истории и литературе славянских наречий» М.Т. Каченовского и вступительная лекция О.М. Бодянского. Всё это позволяет лучше понять содержание преподавания нового предмета на рубеже 30-х – 40-х гг. XIX в., уяснить методологические подходы и принципы первых профессоров славистики. Очерки дополняют публикация источников: раздела курса М.Т. Каченовского, посвященного словакам, и вступительной лекции О.М. Бодянского.

Для специалистов и всех, интересующихся историей отечественной науки.

ББК 72.3

ISBN 5-93406-976-4

© Досталь М.Ю., 2005

Предисловие

В 2005 г., в год 250-летия основания Московского университета, исполняется и 170 лет со времени учреждения кафедры истории и литературы славянских наречий в четырех российских университетах по новому университетскому уставу 1835 г. В юбилейный год принято подводить итоги пройденного пути, оценивать полученные результаты. Таким знаменательным итогом безусловно, можно назвать выход в свет книги «Историческая наука в Московском университете 1755–2004 / Под редакцией С.П. Карпова» (М., 2004), в которой обзоревались все отрасли исторической науки, преподаваемой в стенах старейшего высшего учебного заведения страны. Здесь также представлен обстоятельный, хорошо фундированный очерк развития славяноведения с начала формирования этого предмета как научной дисциплины до современности, который дает много творческих импульсов для осмысления всегда актуальной проблемы становления славистики в нашей стране. Это и побудило автора к публикации данной книги в дополнение к фундаментальному коллективному труду «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян» (М., 1988) и капитальной монографии Л.П. Лаптевой «Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в.» (М., 1997).

В начале 1980-х годов нам посчастливилось сделать первоначально важные архивные находки. В Ленинграде (Петербурге) неожиданно удалось найти ранее неизвестные конспекты лекций 1838 г. первого профессора кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете М.Т. Каченовского по курсу истории славянских языков и литератур. Они дают ответы на многие спорные вопросы в историографии относительно содержания этого курса и степени самостоятельности и новизны суждений ученого, их зависимости от положений трудов корифеев тогдашней славистики Й. Добровского и П.Й. Шафарика. После смерти М.Т. Каченовского кафедру занял О.М. Бодянский, только что вернувшийся из путешествия по славянским землям (1837–1842), куда он был послан Министерством народного просвещения для основательной подготовки к преподаванию нового предмета. В киевском архиве нами была обнаружена неизвестная

специалистам первая вступительная лекция молодого слависта, прочитанная, как нам удалось установить, 24 сентября 1842 г. Лекция содержит непосредственные впечатления О.М. Бодянского от встречи со славянским миром, его оценку славянского национального возрождения, дает возможность определить идейные основы мировоззрения ученого, развивавшегося по канонам романтизма.

Историческую часть славистики в Московском университете представляют лекции М.П. Погодина, опубликованные, но мало исследовавшиеся специалистами. Отталкиваясь от трудов П.И. Шафарика, русский историк создал свою собственную концепцию противостояния романо-германского и русско-славянского миров, развитую затем в работах его последователей и единомышленников.

Все названные лекции, на которых зиждилось начало формирования предмета славяноведения в Московском университете, проанализированы нами в четырех очерках, опубликованных ранее в сокращенном виде¹, большей частью, в трудно доступных региональных сборниках и журнале «Historický časopis» на словацком языке, и потому мало использованных специалистами. Текст конспекта лекции М.Т. Каченовского, посвященного сло-вакам, публикуется впервые.

Полагаем необходимым издать свои архивные изыскания в отдельной книге, сделав их более доступными исследователям, и тем самым внести свой скромный вклад в решение важной научной проблемы – становления славяноведения в России.

Выражаю глубокую благодарность моему Учителю, профессору Л.П. Лаптевой в преддверии её юбилея. Образцовые капитальные труды этого подвижника науки, полные неординарных мыслей и глубокого осмысления источников, всегда побуждали меня к новым архивным разысканиям и научным исследованиям.

М.Ю. Досталь

Москва, 28 апреля 2005 г.

¹ *Досталь М.Ю.* Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете 24 сентября 1842 г. // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986. С. 275–303; *Она же.* Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844) // *Славянская филология. К X международному съезду славистов. Межвузовский сборник*. Л., 1988. Вып. VI. С. 24–34; *Idem.* Z dejín rusko-slovenských vedeckých vzťahov v prvej polovici 19. storočia // *Historický časopis*. Bratislava, 1988. №2. S. 248–262; *Она же.* Лекции М.Т. Каченовского по истории южнославянских народов в Московском университете в 1838 году // *Источниковедение балканского средневековья. Межвузовский тематический сборник научных трудов*. Калинин, 1988. С. 108–118.

Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844)

М.П. Погодин (1800–1875) – известный русский историк, журналист, драматург, собиратель старины, создатель знаменитого «Древлехранилища», переводчик, общественный деятель, академик Российской академии наук (1841). Выходец из низов (его отец был крепостным, отпущенным на волю в 1806 г. и служившим в Московской управе благочиния), он сумел получить высшее образование, став одним из образованнейших умов России. Всегда находясь в гуще общественных споров, он поддерживал дружественные отношения с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, С.П. Шевыревым, славянофилами, Ф.И. Тютчевым и пр. В начале своей научной карьеры Погодин был тесно связан с Московским университетом. Окончив его словесное отделение (1821), он успешно защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» (1825) и с тех пор, вплоть до 1844 г., преподавал сначала всеобщую, затем русскую историю.

Начиная со студенческой скамьи и до конца жизни М.П. Погодин проявлял неизменный интерес к истории и культуре славян, посвящал им специальные исследования. Он первым перевел на русский язык книгу патриарха славистики, чешского филолога Й. Добровского о Кирилле и Мефодии, затем и его знаменитую грамматику славянских языков. Публицистические статьи Погодина, сначала в редактируемом им «Московском вестнике» (1827–1830), затем в «Москвитянине» (1841–1856) и др. журналах, пробуждали в русском обществе интерес и сочувствие к судьбе угнетенных славянских народов. В 1835 г. он совершил свое первое путешествие в славянские земли, завязав тесные научные и культурные связи с видными славянскими учеными, своего рода титанами славянского национального Возрождения – П.И. Шафариком, Я. Колларом, Ф. Палацким, Й. Юнгманом, В. Ганкой, Б. Линде, Б. Копитаром, В. Караджичем и др. В дальнейшем он побывал в славянских землях еще в 1839, 1842 и 1846 гг. Свои впечатления о славянском мире и мнение о пользе использования славянского фактора в российской внешней политике он изложил в 1838 г. в записке наследнику царского престола, будущему императору Александру II и в донесениях министру народного просвещения графу С.С. Уварову 1839 и 1842 гг.¹ Погодин активно содействовал тому, чтобы известные славянские ученые получали материальную помощь из России. Таким образом, славянское направление в многогранной деятельности Пого-

дина, как и всё его творчество в целом, безусловно, заслуживают внимания историков науки. Тем не менее, только в последние годы они стали предметом специального изучения². Никто подробно не исследовал и славистический аспект университетских курсов ученого, хотя его лекции по древней истории славян были опубликованы еще в 1846 г.³ Думается, что анализ этих и других материалов имеет большой историко-научный интерес, так как помогает определить в русской славистике первой половины XIX в. концепцию сторонников официальной народности, активным поборником которой был М.П. Погодин, показать место ученого в становлении университетского славяноведения в России.

Несколько слов о том, какие факторы общественной и научной жизни того времени способствовали пробуждению интереса Погодина к славянской проблематике и определили её интерпретацию. 20 – 30-е годы XIX в. были одним из этапов национального Возрождения славянских народов, связанного с формированием наций в период перехода от одной эпохи к другой, со становлением национального самосознания. В России те же процессы имели свою специфику, обусловленную ее существованием как единственного в то время независимого славянского государства, потому и славянская идея, «панславизм» вызвали здесь в русле формирования русской национальной идеи. Указанные выше причины в конечном итоге определили взаимный интерес славянских народов друг к другу, возникновение идеи научной и культурной «славянской взаимности», которая, в свою очередь, во многом стимулировала изучение славян, развитие славистики, находившейся в этот период под значительным влиянием общеевропейских идей романтизма.

М.П. Погодин относился к числу таких ученых и общественных деятелей, которые, остро чувствуя потребности времени, проявляя их в соответствии со своим мировоззрением и общественно-политическими взглядами. Он стал выразителем национального самосознания консервативной части русского общества, стремившейся всеми силами спасти Россию от угрозы революции, воплощая в жизнь формулу министра народного просвещения графа С.С. Уварова: «православие, самодержавие, народность».

Формирование концепции русской и славянской истории происходило у М.П. Погодина под влиянием идей, распространенных как в России, так и в Западной Европе, отчасти и в славянских землях. Погодин, будучи вхож в существовавший в Москве кружок любителей, русских шеллингианцев (1823–1825)⁴, воспринял многие положения немецкой идеалистической философии, в том числе и концепции философии истории, где разви-

тие человечества представлялось как последовательная смена цивилизаций, а главная роль в каждой из них выпадала какому-нибудь одному народу или целому «племени», предназначенному для этой цели божественным Провидением. Именно в такой период «избранный народ» или «племя» наилучшим образом проявляли свой национальный характер и вносили наибольший вклад в сокровищницу общечеловеческой цивилизации. Немецкие ученые, разумеется, эту роль в настоящем отводили «германскому племени»⁵, игнорируя славян и считая их «неисторическими народами». Естественно, что русских и западнославянских мыслителей периода пробуждения национального самосознания такое принижение значения славян в мире не устраивало. Отсюда и возникновение идей о великом предназначении в будущем русского и других славянских народов. Одним из первых пропагандистов подобных идей в России и стал М.П. Погодин. Уже в 1827 г. он писал в «Московском вестнике»: «Нам, русским, достался прекрасный удел из всех уделов, розданных доселе народам: мы выходим последние на поле европейского просвещения, – оно уже возделано, – нам остается пожать плоды и приниматься за новое сеяние. Мы ли отстанем от других, мы ли не впишем своего имени в книгу ума человеческого»⁶.

В начале 30-х годов на М.П. Погодина большое влияние оказали труды Ф. Гизо и других французских историков-романтиков, которые впервые в европейской историографии выдвинули идею классово-борьбы как двигателя общественного развития. Соглашаясь с утверждением Ф. Гизо, высказанным им в сочинении «История цивилизации в Европе» (1828), что в основе образования западноевропейских государств лежит завоевание, обусловившее возникновение социальных конфликтов и в конечном итоге – революции, М.П. Погодин, однако, отрицал наличие таковых в России⁷. «Россия, – писал он в 1831 г. своему другу и единомышленнику С.П. Шевыреву, – есть особый мир, у ней другая земля, кровь, религия, основания, словом, другая история... Всей Европы надежда должна быть на Россию»⁸. В своей вступительной лекции «Взгляд на русскую историю» (сентябрь 1832 г.) Погодин разъяснил, в чем должна заключаться эта «надежда»: «...российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самую верною и надежною»⁹. Основы принципиального отличия русской и западноевропейской истории, по мнению Погодина, заключались в том, что образование Древнерусского государства было связано не с завоеванием, а с мирным призванием варягов¹⁰, исключавшим социальную борьбу и, следовательно, причины для возникновения революции в дальнейшем. Это утверждение стало

одним из краеугольных камней так называемой «норманнской теории» создания Русского государства в трактовке М.П. Погодина. Примечательно, что охранительная концепция «самобытности» русской истории была выработана им еще до официального провозглашения теории официальной народности С.С. Уваровым в 1833 г.

М.П. Погодин хорошо сознавал, что подобная историческая концепция может получить свой законченный вид лишь с привлечением славянского материала. В 20-е годы он (отчасти с С.П. Шевыревым) перевел труды патриарха славистики, чешского ученого Й. Добровского: «Кирилл и Мефодий – славянские первоучители» и «Грамматика языка славянского по древнему наречию» (изданы на русском языке соответственно в 1825 и 1833–1834 гг.). Эти сочинения, наряду с трудом немецкого историка А. Шлёцера «Нестор» (1802–1809), заложили основу познаний Погодина в славистике. Их расширению, несомненно, способствовали встречи и беседы с русским, карпаторусским и польским славистами (П.И. Кёппеном, Ю.И. Венелиным, А. Кухарским и др.). Мы уже указывали, что во время своих заграничных путешествий 30 – 40-х гг. Погодин познакомился с ведущими славянскими учеными и деятелями национального Возрождения того времени. Возникшая затем переписка, изданная впоследствии Н.А. Поповым («Письма М.П. Погодину из славянских земель. 1835–1861»). М., 1879), книгообмен с некоторыми учеными позволили Погодину быть в курсе последних достижений научной мысли западных и южных славян, знать трактовку ими многих славистических проблем. Всё это не могло не найти отражения в его издательской (журналы «Московский вестник», 1827–1830 гг. и «Москвитянин» 1841–1856 гг.) и педагогической деятельности.

Известный русский филолог Ф.И. Буслаев, учившийся в Московском университете в 1834–1838 гг., вспоминал: «Раз, помню..., М.П. Погодин, вместо исторической лекции (это было осенью 1835 г. – М.Д.), начинает рассказывать о Шафарике, Палацком, Ганке, Вуке Караджиче и других знаменитых ученых славянских, с которыми он познакомился в свою поездку за границу..., и вот мы – студенты – в первый раз в жизни услышали имена знаменитых славянских деятелей от Погодина, и тогда же мы узнали, что Шафарик готовит к печати свои “Славянские древности”, в которых он докажет всему миру, что не немцы, а славяне были старожилками и хозяевами всех тех областей, где потом очутились насельниками и господами немцы..., что Палацкий работает над историей чешского народа и что искалеченный Вук Караджич, подпираясь своими костылями, пешком исходил всю сербскую землю и собрал сокровища сербской народной поэзии»¹¹.

В преподавательской деятельности М.П. Погодина в Московском университете можно выделить два направления. В 1825–1837 гг. он, за исключением 1832/1833 акад. года читал курсы лекций *по всеобщей истории* сначала на нравственно-политическом (1825–1837), затем на словесном (1833–1837) отделениях, в 1832–1844 гг., исключая 1833–1835 гг., преподавал *русскую историю* также на нравственно-политическом (1832–1833, 1836–1837, 1838–1839, 1841–1844) и на словесном (1836–1844) отделениях. После введения нового университетского устава в 1835 г. эти «отделения» стали называться соответственно юридическим факультетом и первым отделением философского факультета¹².

Таким образом, преподавание славистики, как мы видим, официально не входило в учебную задачу М.П. Погодина. С 1836 г. кафедру «истории и литературы славянских наречий», утвержденную в 1835 г. в Московском университете, занял профессор М.Т. Каченовский, преподававший до этого русскую историю и статистику.

Он читал здесь курсы по славянской филологии, преимущественно по истории языка и литературы с экскурсами в историю, руководствуясь при этом сочинениями Й. Добровского и особенно «Историей славянского языка и литературы на всех наречиях» (1826) П.И. Шафарика¹³. Более широкое, комплексное преподавание славистики было осуществлено в Московском университете только с 1842 г., когда кафедру занял получивший специальную славистическую подготовку в славянских землях О.М. Бодянский.

М.П. Погодин, стремясь представить славянские народы в качестве равноправных создателей европейской цивилизации и глубже обосновать свою концепцию русской истории, вводит славянский материал в свои курсы по всеобщей и русской истории.

Тем самым он существенно дополнял лекции М.Т. Каченовского по славянской филологии. Так, в 1830/1831 акад. году¹⁴ Погодин прочел курс «Истории Царства Польского», составленный на основе сочинения Е.С. Бандтке, известного польского историка, лояльно относившегося к России. Его «История польского народа» (1810, 1820) впервые была издана на русском языке в 1830 г. Но не только это побудило Погодина прочесть подобный курс. Несомненно, он являлся откликом на последние события в Царстве Польском – восстание 1830–1831 гг. Некоторое представление о содержании курса дают небольшая статья¹⁵ и рецензия на перевод Бандтке¹⁶, напечатанные Погодиным в «Телескопе» в 1831 г., где он трактовал историю Польши с охранительных

позиций. Побуждая своих студентов к переводам сочинений западноевропейских историков и написанию рецензий на них, Погодин не исключал и трудов славянских ученых. В частности, в 1833 г. студент И. Савинич перевел «Историю славянских законодательств» В. Мацеёвского, известного польского историка права, поборника идеи славянской взаимности, и рецензию на нее Лембке из газеты «Гёттингентские ведомости»¹⁷. Таким образом, студенты Московского университета благодаря усилиям Погодина знакомы с трудами по славистике еще до официального утверждения здесь кафедры истории и литературы славянских наречий.

Осенью 1833 г., при вступлении в должность ординарного профессора М.П. Погодин прочитал лекцию «О всеобщей истории», в которой впервые сформулировал положения своей будущей концепции славянской истории. Славянские государства, по его мнению, так же, как и русское, были «основаны другим образом, т.е. не вследствие бракосочетания побежденных с победителями, которых к ним и не приходило». Это обстоятельство привело к тому, что история славян пошла другим путем, «не сходным с западным, но сходным между собою», который в конечном итоге привел к потере политической независимости почти всеми славянскими народами. «Не очевидно ли, – делает вывод Погодин, – что для государств этой половины Европы есть другой закон?»¹⁸

Итак, положение о принципиально иных основах образования славянских государств по сравнению с западноевропейскими стало одним из краеугольных камней его концепции «самобытности» не только русской, но и славянской истории, другие «доказательства» он почерпнул из труда П.И. Шафарика «Славянские древности», когда готовил лекции по древней истории славян.

Вероятнее всего, они были подготовлены и прочитаны М.П. Погодиным в 1841/1842 acad. году, о чем можно судить по следующему замечанию: «Славян предоставляю будущим профессорам славянских наречий, которых ожидают теперь все русские университеты» (С. 400). (Известно, что О.М. Бодянский и И.И. Срезневский вернулись из заграничной командировки осенью 1842 г.)

«Лекции по Шафарика» входили составной частью в курс «российской истории от древнейших времен до царствования Петра Великого» и служили введением к нему. Погодин ставил своей задачей «составить понятие о славянских племенах, из коих норманны образовали наше государство» (С. 322). Полагая, что история государственных отношений определяет весь ход нацио-

нальной истории, он разъяснял, что «история всякого славянского племени и государства тесно и необходимо связана с первоначальной историей всего славянского народа..., с его корнем. Познание корня необходимо для познания отраслей, кои без него... остались бы непонятными». С этой целью Погодин стремился «как можно яснее» изложить «систему Шафарика..., извлекая ее, из многотрудных его исследований..., часто запутанных» (С. 322).

По своей структуре лекции по древней истории славян состояли как бы из трех частей. В первой из них Погодин излагал доказательство Шафарика о «древности славян в Европе»: статистические, географические, исторические, лингвистические (данные топонимики, ономастики, сравнительного индоевропейского языкознания и пр.), этнографические, из области мифологии и др. Во второй части, по канонам романтизма, разбирались «нравственные свойства славян, их добродетели и пороки, успехи в разных отраслях промышленности». В третьей части Погодин доказывал необходимость изучения древней истории славян для лучшего понимания русской, давал выдержки из летописи Нестора о расселении и образе жизни восточнославянских племен. В заключение Погодин приволил неопубликованные материалы польского этнографа З. Доленги-Ходаковского, в частности, его вывод «о древней славянской мифологии из собственных имен вместе с городищами» (С. IX–X).

«Славянские древности» П.И. Шафарика, опубликованные в 1837 г. на чешском, затем на русском языке, были первым серьезным исследованием по славянскому этногенезу. Популяризация основных положений этого капитального труда по существу впервые в Московском университете, несомненно, является заслугой Погодина. Опровергая утверждения шовинистической немецкой историографии, которая отрицала древний характер славянских поселений в Европе и роль славян во всемирной истории, Шафарик на основе огромного и разнообразного фактического материала доказал автохтонность славян в Европе и их равноправное участие, наряду с другими народами, в создании европейской цивилизации. Труд Шафарика имел для своего времени большое научное и общественно-политическое значение, подтверждая справедливость борьбы малых славянских народов за свое национальное Возрождение. Погодин понимал большое прогрессивное значение труда Шафарика, составившего, по его мнению, «совершеннейший переворот в наших понятиях об этом предмете», и показал его «проницательную новизну» по сравнению с предшественниками, в числе которых называл А.Л. Шлёцера, Н.М. Карамзина, И.Ф.Г. Эверса и др. (С. 321).

Труд Шафарика был венцом романтической историографии и не избежал идеалистических заблуждений своего времени. Именно на них основывался Погодин, строя свою концепцию «самобытной» славянской истории. Он выделил пять основных положений Шафарика касательно древних славян: их автохтонность в Европе; оседлость и занятия земледелием; патриархальное, родовое управление; «главные добродетели: кротость и терпение»; «пороки: сварливость между собою и пристрастие к иноплеменникам» (С. 373).

Противопоставляя «кротких», «терпеливых», «оседлых», «патриархальных» славян («воинственным», «кочевым», «свободолюбивым» германцам, (то есть формируя, говоря современным языком, национальные стереотипы славянских и германских народов) Погодин, как и многие славянские и немецкие ученые того времени, делает вывод о противоположных национальных характерах народов Западной и Восточной Европы (С. 325). Недостатками славянского характера он идеалистически объясняет причины падения большинства славянских государств в эпоху средневековья (С. 382). Из добродетельных «кротости» и «терпения» следовало, по его мнению, отсутствие в славянском мире в целом социальных конфликтов. Не смея отрицать внутренней борьбы в истории Польши, «беспокойства её шляхты», противоречившей его концепции о социальной гармонии в славянском мире, Погодин объясняет ее возникновение «примесью латинского начала» (С. 382). Это положение впоследствии было развито в славянофильской историографии. Все свои доводы об особом характере славянской истории Погодин в своих лекциях распространил на русскую, еще раз доказывая покорность русского народа самодержавию, его нереволуционность (С. 394–395). Антиисторичность многих положений Погодина отмечалась современниками¹⁹.

Положительным моментом курсов Погодина была критика «нелепых крайностей» во взглядах на славян у некоторых русских ученых. Он справедливо оспаривал утверждение Ю.И. Венелина о «славянстве» гуннов и протоболгар (С. 375–377), остроумно высмеивая фантастические этимологические интерпретации Ф.Л. Морошкина, стремившегося доказать, что «названия Русь, Славония, Турция, Германия и др. на разных языках значат "лес"» (С. 378). Кроме того, в своих лекциях Погодин нарисовал перспективы дальнейшего изучения древней славянской и русской истории, убедительно обосновав, что использование славистических материалов – филологических, фольклорных, этнографических и пр., может значительно расширить наши представления об отечественной истории (С. 396–400).

Таким образом, лекции Погодина по славянской истории, несмотря на их охранительную направленность, внесли ценный вклад в развитие славистики в Московском университете, дополняя курс М.Т. Каченовского по «истории и литературе славянских наречий».

Они способствовали расширению кругозора студентов, ознакомлению их не только с древней историей родственных славянских народов, но и с новейшими трудами славянских ученых, возбуждая сочувствие к их патриотической деятельности.

Лекции Погодина не оставались без внимания студентов, особенное впечатление они произвели на будущих славянофилов: Ю.Ф. Самарина, И.Д. Беляева и др. Так, близкий к кругам славянофилов В.А. Черкасский, учившийся в университете в 1840–1844 гг., вспоминал: «Вокруг его кафедры охотно собиралась университетская молодежь..., он учил нас любить науку, любить и уважать Россию..., учил нас сознать себя русскими членами одной русской, – одной общей, великой славянской семьей. Он вливал в наши души живые задатки народного самосознания»²⁰.

¹ *Досталь М.Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. М., 1999. С. 54–56.

² *Попов Н.А.* М.П. Погодин как славянский публицист // Родное племя. М., 1877. Кн. 2. С. 1–21; *Терещенко В.К.* М.П. Погодин в общественно-идеальной борьбе 30–50-х годов XIX столетия. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1975; *Маймин Е.А., Афиани В.Ю.* М.П. Погодин // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 272–273; *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 57–98 [основы славянского мировоззрения М.П. Погодина и его отражение в «Москвитянинах»]; *Досталь М.Ю.* Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844) // Славянская филология. К X международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. VI. С. 24–34; *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в российском университете. М., 1995. 160 с.; *Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. 293 с. [В последней книге славистический аспект научного творчества М.П. Погодина начисто проигнорирован]; *Широкова Е.В.* П.И. Шафарик и М.П. Погодин. К вопросу о чешско-русских связях 30–60-х гг. XIX в. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1999 и др.

³ *Погодин М.П.* Лекции по Шафарыку о славянских племенах вообще, об отношении, какое имеют славянские древности к русской истории, о племенах славянских в эпоху прибытия норманнов // *Погодин М.П.* Исследования, замечания, лекции... о русской истории. М., 1846. Т. 2, С. 319–414. В дальнейшем

при ссылках на эту книгу страницы указываются в тексте статьи в круглых скобках.

⁴ Каменский З.А. Московский кружок Любомудров. М., 1980. 327 с.

⁵ Ламанский В.И. Три мира европейско-азиатского материка. СПб., 1892. С. 76.

⁶ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 книгах. СПб., 1888–1910. Кн. 2. С. 140.

⁷ Плеханов Г.В. Погодин и борьба классов // Плеханов Г.В. Соч. Т. XXIII. М.; Л., 1926. С. 57–59.

⁸ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... Кн. 4. С. 9.

⁹ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... Кн. 4. С. 331.

¹² Эти данные выявлены нами из «Обозрений публичного преподавания наук в имп. Московском университете» (М., 1830–1844), чтобы устранить существующую по этому вопросу путаницу и противоречия в литературе о Погодине, особенно в энциклопедических изданиях.

¹³ Венедиктов Г.К. К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // Советское славяноведение. М., 1983. № 1. С. 91–99; См. также наши статьи в данной книге. Их варианты опубликованы. См.: Досталь М.Ю. Лекции М.Т. Каченовского по истории южнославянских народов в Московском университете в 1838 г. // Источниковедение балканского средневековья. Калинин, 1988. С. 108–118; *Ibid.* Z dejín rusko-slovenských vedeckých vzťahov v prvej polovici 19. storočia // Historický časopis. Bratislava, 1988. №2. S. 248–262.

¹⁴ Обозрение публичного преподавания наук в имп. Московском университете. С. 5.

¹⁵ Погодин М.П. Исторические размышления об отношении Польши и России // Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок, замечаний М.П. Погодина. 1831–1867. М., 1867. С. 1–10.

¹⁶ Погодин М.П. [Рец. на кн.:] История государства польского, соч. Бандтке // Там же. С. 11–28.

¹⁷ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина... Кн. 4. С. 213.

¹⁸ Погодин М.П. О всеобщей истории // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1834. №1. С. 35–36.

¹⁹ Киреевский П.В. О древней русской истории // Москвитянин. М., 1845. №3. С. 11–46.

²⁰ Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина. М., 1872. С. 169.

«История языка и литературы словаков» в лекционном курсе М.Т. Каченовского 1838 г.

Русско-словацкие научные и культурные связи первой половины XIX века, чрезвычайно важного периода в жизни обоих народов: эпохи национального Возрождения словаков и подъема русского национального самосознания и культуры, периода становления новой науки – славяноведения, неоднократно привлекали и привлекают внимание исследователей¹. Лучше всего изучены контакты с русскими учеными и общественными деятелями ведущих представителей словацкой и западнославянской науки и культуры П.И. Шафарика, Я. Коллара, Л. Штура и др.², в меньшей степени освещены еще словацкие сюжеты в русской периодике, научных трудах и лекционных курсах русских славистов³. Именно здесь наиболее вероятны находки новых неизвестных материалов.

В 1984 г. нам посчастливилось обнаружить в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне ОР и РК РНБ) конспект лекций по славистике 1838 года профессора Московского университета М.Т. Каченовского⁴. Он первым возглавил здесь кафедру «истории и литературы славянских наречий», учрежденную по новому уставу 1835 г. в четырех российских университетах. Курс лекций Каченовского в записях его слушателя тех лет И.Е. Бецкого, впоследствии видного журналиста и деятеля культуры, охватывал историю, историю языка и литературы всех зарубежных славянских народов, включая и общеславянскую проблематику, связанную с историей происхождения и расселения древних славян, возникновения и распространения церковнославянского языка и т.п. В настоящее время конспект представляет собой книгу среднего формата, в которую переплетены записи лекций Каченовского, переписанные Бецким набело. Рукопись составляет 251 страницу при отсутствии внутренней пагинации, не проставленной автором конспекта.

История словаков, их языка и литературы составляет содержание X-й лекции курса М.Т. Каченовского. Это была *первая* лекция в российских университетах, специально посвященная словацкой проблематике. В связи с этим она представляет особый интерес как в плане истории русско-словацких научных связей, так и с точки зрения развития русской славистики. Материал лекции позволяет получить наглядное представление об уровне разработанности словацкой проблематики в России в конце 30-х годов XIX в. и о том, какие сведения и знания могли приобрести студенты Московского университета об этом славянском народе.

Анализ содержания этой лекции Каченовского, определение ее места и значения в истории русской славистики в контексте ее предшествующего и последующего развития и составляет главную задачу настоящей статьи⁷.

Прежде всего несколько слов о самом авторе курса – М.Т. Каченовском и его роли в современном ему славяноведении. Последний вопрос нашел специальное освещение в работах А.А. Кочубинского, Г.К. Венедиктова, Б.Н. Билунова, Г.В. Макаровой и др.⁸ Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842) вошел в историю русской науки как писатель, литературный критик, филолог и историк, глава так называемой «скептической школы» в русской историографии. Родился он в Харькове, в семье мещанина, грека по национальности. В 1788 г. окончил Харьковский коллегиум (среднее провинциальное училище), где приобрел основательное знание древних языков – латыни и греческого. Дальнейшее образование он продолжил самостоятельным упорным трудом, овладев многими европейскими языками, в том числе и славянскими – сербским и польским. Он изучал историю, филологию, философию, эстетику и др. науки. Первые литературные опыты Каченовского были опубликованы уже в 1798 г. Всё это успешно совмещалось с его военной и гражданской службой, особенно, когда в 1801 г. ему посчастливилось устроиться сначала в качестве библиотекаря, потом правителя канцелярии графа А.К. Разумовского, назначенного попечителем Московского университета. Вместе с последним Каченовский переезжает в Москву. Здесь начинается его активная научная и литературно-научная деятельность. Основательное самообразование позволило ему в короткий срок приобрести необходимые для преподавания в университете ученые степени: в 1805 г. – магистра философии, а в 1806 г. – доктора философии и изящных наук. Каченовский становится профессором Московского университета и преподает сначала теорию изящных искусств и археологию (1808–1821), а затем с 1821 г. – историю, статистику и географию Российского государства, в начале 1830-х гг., временно, всеобщую историю и, наконец, с 1836 г. – историю и литературу славянских наречий. Кроме того, Каченовский был назначен деканом словесного отделения (с 1833 г.) и ректором (с 1837 г.) Московского университета. Он также исполнял обязанности цензора.

Одновременно с научной и педагогической работой Каченовский взял на себя с 1805 г. издание карамзинского «Вестника Европы», стоявшего в центре литературных и научных споров 10–20-х годов XIX в. Он деятельно участвует в работе Общества любителей российской словесности и Общества истории и древностей российских при Московском университете, принимается в

члены Российской академии наук (1819), избирается членом-корреспондентом (1833), затем академиком (1841) Российской Императорской академии наук.

Необходимо отметить, что во всех направлениях своей деятельности: научной, педагогической, журналистской, литературно-критической – М.Т. Каченовский, так или иначе, решал и славно-славистские проблемы. Ему принадлежит почетное место в становлении отечественного славяноведения. «С именем Каченовского, – справедливо писал А.А. Кочубинский, – соединились память об особенно теплом представителе славянства и его изучения в летописях нашей науки и просвещения»⁷.

В общих чертах вклад Каченовского в современное ему славяноведение заключался в следующем. Он был в числе первых в России популяризаторов сведений о зарубежных славянах на страницах русской периодики первой трети XIX в., прежде всего «Вестника Европы», где славянские сюжеты провозглашались одним из пунктов программы журнала: «внимание редактора... и впредь будет направлено на предметы, любезные патриоту – на историю российского и родственного ему языков, на деяния и обычаи народов славянских»⁸.

Одним из первых в русской науке Каченовский заявил о необходимости изучения истории России сопоставительно с историей южных и западных славян, сравнительно-исторического изучения русского и других славянских языков, что тогда было новым словом не только в отечественной, но и в европейской науке. Каченовский был в числе тех передовых русских филологов, которые вслед за «патриархом славистики» Й. Добровским выступили против устаревшей точки зрения А.С. Шишкова и других ученых, что церковно-славянский язык тождествен древнерусскому и праславянскому и является «отцом» всех прочих славянских языков. Конечно, Каченовский не избежал некоторых ошибок и заблуждений, опровергнутых дальнейшим развитием науки. Так, он вслед за Добровским отстаивал мнение о старосербском (а не древнеболгарско-македонском или паннонском) происхождении старославянского языка⁹. Не оправдалось и его суперкритическое отношение к проблеме подлинности русских летописей и др. памятников древней русской истории, утверждение о том, что вся ранняя история восточнославянских племен из-за недостоверности источников должна быть признана «баснословной» и пр.¹⁰ Однако выработанные Каченовским и его «скептической школой» новые методологические принципы подхода к изучению источников остались в золотом фонде отечественной науки.

Наконец, еще не до конца оценен вклад Каченовского как

первого профессора кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, что может быть осуществлено последовательным изучением не только программы его курса¹¹ и воспоминаний учеников¹², но и конспектов лекций.

Активная деятельность Каченовского в области славистики не осталась незамеченной университетским начальством, и потому, когда встал вопрос о кандидатуре на замещение новой кафедры, на это место единодушно был выдвинут именно Каченовский.

Кафедра славистики в Московском университете в 1835 г. возникла не на пустом месте, ибо только путем декретирования новая наука начаться не может. Она опиралась на определенные достижения в области славяноведения, достигнутые как в русской, так и в западноевропейской и зарубежной славянской науке в первой трети XIX в.¹³ В России наибольшие результаты к тому времени были получены в области сравнительно-исторического изучения церковно-славянского и других славянских языков, прежде всего русского, филолого-исторического, палеографического, археографического исследования памятников старославянской письменности¹⁴. Западнославянские ученые, опираясь на передовые методы европейской компаративистики, достигли больших успехов также в изучении отдельных славянских языков, критическом осмыслении древней истории славян, систематизации сведений о развитии славянских литератур¹⁵.

Уже имелся опыт институализации славистики в рамках Московского университета. В 1811–1829 гг. здесь существовала кафедра славянских наречий, где лекции по истории церковно-славянского языка читал эстетик М.Г. Гаврилов, но уровень его преподавания в духе науки XVIII в. не соответствовал веянию времени¹⁶. Поэтому в конце 20-х – начале 30-х годов предпринимались попытки исправить положение путем приглашения в российские университеты известных зарубежных славянских ученых. Для Москвы планировался приезд будущего корифея европейской славистики, а тогда скромного профессора новосадской гимназии П.И. Шафарика. По многим причинам этот проект остался нереализованным¹⁷. Была отведена после представления в Совет университета Программы и курса славистики и кандидатура Ю.И. Венелина¹⁸. Следует отметить, что многие профессора Московского университета еще до учреждения кафедры, по крайней мере, с 20-х годов XIX в. включали в свои курсы по русской и всемирной истории, а также истории русской словесности и права некоторые сведения о зарубежных славянах¹⁹. Не случайно поэтому так высок был уровень требований к абитуриентам университета. В частности, на вступительных экзаменах в уни-

верситет в 1835 г. предлагались такие вопросы: «Пособия для истории отечественного языка. Какие известны славянские наречия? 1. Известие о древней словесности. Показать восточную отрасль славянских наречий. Показать западную отрасль славянских наречий. Главнейшие отличия восточной и западной отрасли славянских наречий. Мнение о сходстве церковного языка с другими языками славянскими...»²⁰

Для ответа на подобные вопросы будущие студенты должны были уже предварительно познакомиться с «Грамматикой языка славянского по древнему наречию...» И. Добровского, изданной на русском языке в 1833–1834 гг. На что, видимо, и рассчитывали составители процитированной выше «Программы гимназического курса для испытания желающих поступить в имп. Московский университет» (М., 1835).

Таким образом, сложившееся в основном в дореволюционной и отчасти в последующей литературе²¹ мнение о совершенной неподготовленности российских университетов к преподаванию новой дисциплины, на наш взгляд, страдает односторонностью. Во всяком случае, М.Т. Каченовский, как мы видели, занял эту кафедру вполне обоснованно, обладая солидным запасом знаний по этому предмету, на уровне науки своего времени. Кроме того, в его распоряжении были труды русских и западноевропейских ученых.

Для подтверждения последнего тезиса разберем конкретно, на какую литературу мог опереться Каченовский, приступая к подготовке лекции по «истории языка и литературы словаков». Это поможет нам более объективно подойти к оценке этой части курса ученого в истории науки.

Со времен эпохи Просвещения к 30-м гг. XIX в. был уже накоплен некоторый опыт исторического и филологического изучения словацкого народа, в основном чешскими и словацкими учеными. В сложный период словацкого национального Возрождения, в трудных условиях двойного венгерского и австрийского гнета словацкая наука служила одной из форм борьбы за утверждение свободного национального развития. Ситуация в Словакии (тогдашней Северной Венгрии) осложнялась, как известно, расколом в рядах формирующейся словацкой интеллигенции по конфессиональному признаку – католиков и протестантов, выдвигавших и обосновывающих средствами науки разные концепции национально-культурного развития словаков. Протестанты, со времен Реформации использовавшие в богослужении и литературной деятельности кодифицированный чешский язык («библичитину»), выступали за дальнейшее его развитие и формирование единой чешско-словацкой литературы и культуры. Лидерами

этого направления в 20–30-е годы стали Я. Коллар и П.Й. Шафарик.

Католическая интеллигенция во главе с А. Бернолаком отстаивала самостоятельное национальное развитие словаков, их культуры и литературы и только на равноправной основе признавала необходимость славянской взаимности и традиционной дружбы с чехами. Бернолаковцам принадлежит заслуга первой научно обоснованной кодификации словацкого литературного языка на основе западнословацкого диалекта (кстати, наиболее близкого к диалектам чешского языка) и создания литературы на этом языке, вершиной которой признано поэтическое творчество Яна Голлого. «Бернолаковщине» в силу многих причин не суждено было стать общим языком всех словаков. Сгладить конфессиональные разногласия в лагере словацкой интеллигенции, сблизить выдвигаемые ей программы национального развития и, наконец, кодифицировать словацкий литературный язык на основе наиболее общего всем словакам среднесловацкого диалекта удалось лишь в 40–50-е годы Л. Штуру, его соратникам и последователям²².

Перипетии борьбы внутри словацкого национального движения, протестантское крыло которого находило постоянную поддержку в кругах чешских ученых и общественных деятелей, так или иначе нашло отражение в исторических и филологических концепциях того времени, причем как национально-просветительских, так и, может быть, в большей мере, национально-романтических. Русским ученым, начинавшим знакомиться с трудами чешских и словацких ученых конца XVIII – первой трети XIX вв. по словакистике, конечно, трудно было разобраться в их противоречивом содержании, занять самостоятельную позицию, противостоять мнениям европейски признанных авторитетов, но тем ценнее заслуги тех русских ученых, которым удавалось это сделать.

Разумеется, книги словацких просветителей конца XVIII – начала XIX в., сторонников А. Бернолака, обосновывавших самостоятельность словацкого языка в ряду других славянских языков, возвеличивающих роль словаков в истории Великоморавской державы и пр.²³, были в России недоступны. Не со всеми из них мог ознакомиться даже П.Й. Шафарик в Новом Саде²⁴. Наибольшим научным авторитетом в России пользовался тогда Й. Добровский, который в первом издании (1792) своей «Истории чешского языка и литературы» («Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur») выделил только пять главных славянских языков: русский, польский, иллирийский, хорватский и чешский, отказав, таким образом, словацкому языку в самостоятельности²⁵.

М.Т. Каченовскому были также известны сборники Й. Добровского «Славин» (1808) и «Слованка» (1815), о выходе которых в свет он сообщал читателям своего «Вестника Европы» (1816. Кн. 2). Во втором сборнике был помещен очерк Добровского «О литературе словаков». В нем рассматривались мнения о самостоятельности словацкого языка Й.Х. Иордана, П. Долежала, А. Бернолака, Й.И. Байзы, Ю. Фандлы, Ю. Рибая и др. и в заключении признавалась их научная несостоятельность. Зато весьма положительно характеризовалась деятельность Чешско-словацкого института в Пресбурге (Братиславе), основанного в 1803 г. представителем протестантского лагеря, сторонником чешско-словацкого языкового единства Ю. Палковичем²⁶. Однако во втором издании «Истории чешского языка и литературы» (1818) и в «Грамматике языка славянского по древнему наречию» («Institutiones linguae slavicae dialecti veteris...» Vindobonae, 1822) Добровский уже отводит словацкому языку самостоятельное место (в последней книге даже первое место во второй выделенной им группе славянских языков)²⁷.

В 1821 г. в «Вестнике Европы» (Ч. 118–119. № 9–16. С. 294–297) была опубликована статья «О богемской литературе», где впервые упоминались протестантские словацкие писатели П.И. Шафарик (названный здесь Шаффары) и Ю. Палкович. Это была переводная статья из польского журнала, где говорилось о возрождении чешской литературы, а словацкая рассматривалась как ее неразрывная составная часть. С тех же позиций словацкая литература была представлена в статье «Обозрение новейшей богемской литературы», опубликованной в следующем году в «Сыне Отечества» (1822. Ч. 77. С. 219–226). Статью написал, видимо, отечественный автор по материалам чешских газет и журналов. В ней как «богемские писатели» характеризовались словацкие литераторы протестантского направления: П.И. Шафарик, Я. Коллар, Б. Таблиц, Ю. Палкович и подчеркивалось, что в литературе «венгерских славян» «протестанты берут верх над католиками в познании богемского языка, употребляемого ими для письма, и стараются тем возвысить своих соотчичей»²⁸. В этом же духе была написана статья «Национальное направление богемской словесности», опубликованная в журнале «Телескоп» (1831. Ч. 3. №11. С. 400–401), автор которой был скрыт под литерами Р.В.²⁹ Здесь прославлялась поэма «современного богемского поэта» Яна Коллара «Дочь Славы», подчеркивался славянский патриотизм автора и его любовь к «могущественной России».

Таким образом, авторы названных статей, возможно, зная о существовании двух направлений в словацкой литературе, отда-

вали предпочтение сочинениям представителей протестантского лагеря словацкой интеллигенции, выступая тем самым за укрепление чешско-словацкого литературного единства.

Но было и другое направление в русской периодике 20–30-х годов. Зачинателем его стал П.И. Кёппен (1793–1864), известный русский библиограф, археолог, статистик, знаток и любитель славянской культуры. В издаваемых им в 1825–1826 гг. «Библиографических листах» большое внимание уделялось словацким сюжетам, достаточно подробно рассмотренных в статье М. Лациока³⁰. Поэтому укажем здесь только главные моменты. Путешествуя по Европе и славянским землям в 1821–1824 гг., Кёппен побывал и в Словакии, ознакомившись с представителями обоих лагерей словацкой интеллигенции. Исходя из гуманистического принципа о праве каждого народа на *самостоятельное* национальное развитие, он при всем уважении к заслугам словацких и чешских ученых и общественных деятелей: П.И. Шафарика, Я. Коллара, Ю. Палковича и др., считал необходимым поддерживать и популяризировать в России труды бернолаковцев, которые с помощью филологических и исторических доводов отстаивали самостоятельность словацкого языка в ряду других соплеменных языков. Не случайно поэтому Кёппен подчеркивал самостоятельное значение словацкого языка и литературы («Библиографические листы» [далее БЛ]. 1825. №18. С. 252), сообщал о выходе многотомного словаря А. Бернолака и указывал на его значение в деле кодификации словацкого языка (БЛ. №25. С. 360–361), упомянул о трудах его последователей – Валашика, Бжестянского, Фандлы и рукописном словаре Прокопиуса (БЛ. №25. С. 362–364), краткий вариант которого он приобрел в Пеште и привез в Россию. Кёппен специально осветил содержание словаря Шт. Лешки, в котором находилось собрание словацких слов, вошедших в состав венгерского языка (БЛ. №32. С. 470) и т.п. Впервые в русской периодике «Библиографические листы» писали о поэтическом творчестве гордости бернолаковской школы – поэте Яне Голлом (БЛ. №18. С. 253). В то же время при характеристике трудов представителей протестантского направления Кёппен подчеркивал прежде всего их общеславянское и патриотическое значение (БЛ. №18. С. 253–254). Это касалось и знаменитой поэмы Я. Коллара «Дочь Славы» и «Истории славянского языка и литературы по всем наречиям» П.И. Шафарика, находившегося тогда в печати. Важное значение для славистики имело опубликование в журнале выдержек из предисловия Я. Коллара к изданию «Песни светские народа словацкого в Венгрии» («Národné zpievanky čili Písne svetské Slováku v Uhrách») (Будин, 1823), в котором последний, большой знаток словацких диалектов, впер-

вые дал их классификацию. Он выделил 7 главных и 3 побочных диалекта и охарактеризовал особенности каждого из них, указав и территорию их распространения. Примечательно, что весь этот материал был использован в вышеназванной книге П.И. Шафарика. Материал был собран по просьбе Кёппена в 1822 г. По утверждению последнего, «Коллар сообщил нам о сем предмете сколько-нибудь удовлетворительное известие, которое, в последнее время, напечатано в предисловии к сей книге» (БЛ. №18. С. 254).

В 1826 г. вышла из печати знаменитая книга П.И. Шафарика «История славянского языка и литературы по всем наречиям» («Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten»). Хотя сам автор рассматривал ее как учебное пособие для патриотически настроенных юношей, желающих познакомиться с историей языка и литературы всех славянских народов, ее научное и общественно-культурное значение было несравненно выше. Написанная в духе славянской взаимности, собравшая и обобщившая в себе сведения и результаты исследований обо всех славянских народах, имевшихся тогда в европейской литературе, эта книга в течение нескольких последующих десятилетий действительно служила наиболее авторитетным источником получения первоначальных знаний о славянском мире³¹.

Написание специального раздела об истории словацкого народа, его языка и литературы было важным и ответственным шагом вперед для автора, выступавшего дотоле защитником чешско-словацкого литературно-культурного единства. Думается, что не последнюю роль в этом сыграло изменение позиции Й. Добровского, признавшего самостоятельность словацкого языка (но не литературы). Известно также, что именно начиная с 20-х гг. усилились интеграционные тенденции в рядах словацкой национальной интеллигенции, обоюдное стремление к сближению позиций. П.И. Шафарик и Я. Коллар предлагали, например, компромиссное решение: не отказываясь от чешско-словацкого единства, создать новый литературный язык для чехов и словаков за счет насыщения чешского языка большим количеством словакизмов. Этот проект, однако, не нашел поддержки ни с той, ни с другой стороны³².

Вероятно, решимость на выделение этого раздела в книге диктовалась как патриотическими соображениями Шафарика, так и стремлением оправдать перед обеими сторонами свою компромиссную позицию. 4 марта 1823 г. он писал Я. Коллару: «Наша литература есть ветвь литературы чешской; должно быть нашим общим горячим желанием и предметом усиленных забот, чтобы она навсегда ею осталась: тем не менее, достойно было бы меня,

как словака, чтобы этот отдел моего труда заключал обстоятельные сведения о литературной деятельности наших словаков, начиная от Залана³³ до нынешних дней, и дал бы кое-что и новое на свет и книжный рынок»³⁴. Известно также, что предпринятое Шафариком якобы «отделение словаков от чехов» остро критиковалось чешскими учеными³⁵ по выходе книги из печати. В 1842 г. в «Славянской этнографии» (Slovanský národopis) Шафарик отказался от своей прежней позиции и рассматривал уже словацкий язык и литературу как неотъемлемую принадлежность чешской. (Подробнее об этой книге Шафарика см. далее.)

Содержание раздела о словаках в почти дословном переводе было изложено в 1835 г. в рецензии ученика М.Т. Каченовского – О.М. Бодянского на сборник словацких песен Я. Коллара 1834–1835 гг.³⁶ Однако, сообщив подробные сведения из книги Шафарика касательно древней истории словаков времен Великоморавской державы и гуситских войн XV в., особенностей словацкого языка и его диалектов, границ их распространения, численности словацкого населения, рассказав достаточно подробно о трудах словацких ученых и писателей XVI – начала XIX вв., Бодянский проявил определенную самостоятельность в трактовке словацкого материала. Недостающие у Шафарика сведения по средневековой истории словаков после венгерского завоевания он, по канонам романтической историографии, попытался восполнить на основе исторических песен, помещенных в рецензируемом им сборнике Я. Коллара. Но самое главное, он отверг все оговорки Шафарика относительно самостоятельности словацкого языка, которые в изобилии присутствовали в его книге³⁷. Русский ученый признал условность признаков различия славянских языков, выдвинутых в свое время Й. Добровским. «Различие языка от языка, – утверждал Бодянский, – состоит в его лексикологическом и грамматическом составе, его духе и т.д., а не в каких-нибудь частицах или нескольких словах»³⁸. Всеми качествами самостоятельного языка обладал, по его мнению, и словацкий язык, который «несравненно нежнее чешского и польского», превосходит их «своими открытыми, ясными гласными»³⁹. Повторяя за Шафариком подобную романтическую характеристику языка, Бодянский игнорировал его заключение: «но это еще не подтверждает его права считаться литературным языком, которые ему хотят приписать некоторые известные католические писатели»⁴⁰. Сообщая о трудах словацких ученых и писателей, Бодянский прежде всего подчеркивал их вклад в дело возрождения национальной культуры, не отдавая предпочтения ни одному из лагерей словацкой интеллигенции. Впрочем, введение чешского языка в Словакии в качестве литературного во времена Реформации

он расценивал как «удар», почти равносильный тому, который был нанесен словацкой культуре венгерским завоеванием и современными ему «усилиями венгров создать свою литературу на развалинах словацкой»⁴¹.

Итак, к моменту открытия кафедр славистики в российских университетах в зарубежной и отечественной литературе накопилось довольно много сведений об истории словаков, развитии их языка и литературы, сложились разные мнения в трактовке степени самостоятельности словацкого языка и литературы. Все эти данные мог использовать М.Т. Каченовский при подготовке своей лекции. И действительно, он рекомендовал слушателям в качестве лучших пособий указанные выше работы Й. Добровского, книгу П.И. Шафарика (на которую опирался), а из отечественных работ – рецензию О.М. Бодянского на сборник словацких песен Я. Коллара в «Московском наблюдателе» (1835).

Анализ содержания лекции и воспоминания слушателей свидетельствуют о том, что Каченовский, имея представление об указанной выше литературе по предмету, все же использовал как главное пособие соответствующий раздел книги Шафарика. Однако это не был дословный перевод, а скорее краткое свободное изложение материала раздела, выборка которого была основательно продумана лектором и соответствовала его научным убеждениям. Лекция Каченовского по истории языка и литературы словаков структурно соответствовала трем параграфам книги Шафарика с аналогичным названием: § 44 «Историко-этнографическое введение», § 45 «Характер словацкого языка», § 46 «Судьбы словацкого языка и литературы».

В первой части лекции Каченовский излагал историю словаков. Он поддерживал основной тезис Шафарика об автохтонности славян в Европе и определил территорию расселения словацких племен, указывая, что издавна, по крайней мере с VI в., они занимали «пространство между Карпатскими горами и Дунаем»⁴² (Л. 172 об.). При этом он ошибочно, вслед за Добровским и Шафариком, производил славян от сарматов (народа иранского происхождения, населявшего ранее эту территорию). К сожалению, М.Т. Каченовский почти ничего не сообщил слушателям об истории Великоморавской державы IX–X вв., включавшей в себя и западнословацкие земли (Нитранское княжество), о чем подробно рассказывалось у П.И. Шафарика. По-видимому, Каченовский счел достаточными тех сведений, которые он сообщал о миссии Кирилла и Мефодия в Моравию в других частях курса. Он указал только, что здесь было распространено «греческое вероисповедание», о чем свидетельствовал, по его мнению, тот факт, что есть «очень давние католические церкви», роспись которых «имеет

много признаков византийских» (Л. 175 об.). Шафарик ссылаясь при этом на данные книги Л. Бартоломеидеса «Историко-географико-статистические сведения о Гёмёрском комитате» (Левоча, 1808) («Notitia Comitatus Gömöriensis historico-geographico-statistica»). Это утверждение подтверждается новейшими археологическими исследованиями с той оговоркой, что одновременно в Великой Моравии и на территории современной Словакии строились церкви, отражавшие в своей архитектуре итальянское, немецкое и даже скандинавское влияние⁴³.

Важнейшим событием средневековой истории Словакии Каченовский справедливо считал вторжение венгров в Паннонию и постепенное завоевание ими словацкой территории с последующим включением ее в состав раннефеодального Венгерского государства. «С тех пор, – отмечал русский профессор вслед за Шафариком, – словаки теряются в истории; они, хотя существовали, но политического быта не имели» (Л. 173). От какой-либо эмоциональной оценки этого события для дальнейших трагических судеб словацкого народа, его западных и южных соплеменников, на которые так щедро была последующая славянофильская историография⁴⁴, Каченовский воздержался. Однако он считал необходимым, как Шафарик и Бодянский, основываясь на данных словаря Шт. Лешки, сказать о более высоком культурном уровне покоренных словаков по сравнению с «варварскими» азиатскими кочевниками венграми: «словаки занимались земледелием, многие из них были ремесленниками, доказательством тому служат слова словацкие, оставшиеся донныне в венгерском языке, выражающие понятие о земледелии и разных ремеслах» (Л. 173). Примечательно, что этот филологический аргумент приводился впоследствии и чехословацкими историками в доказательство того, что «при формировании раннефеодальной венгерской культуры было много заимствовано из культурного наследия Велико-моравской державы»⁴⁵.

Состояние тогдашней историографии не позволило ни Шафарику, ни Каченовскому сообщить далее что-либо существенное о последующей истории словацкого народа, утратившего начатки своей государственности, ведь главными действующими лицами исторических повествований в тот период считались монархи, государственные деятели, полководцы, дворянство. Значение народных масс в истории стало провозглашаться в романтической историографии лишь в 30-е годы. Эти веяния были восприняты последующим поколением русских славистов, прежде всего О.М. Бодянским, И.И. Срезневским и др., но М.Т. Каченовскому, как адепту рационально-просветительской историографии, они были совершенно чужды. Поэтому Каченовский вслед за Шафа-

риком упомянул только о поселениях чехов-гуситов «между словаками в Венгрии» в середине XV в., во времена воеводства Я. Искры из Брандыса, «природного богемца и полководца» (Л. 173–173 об.). С его именем связывалось распространение в Словакии чешского языка, использовавшегося в качестве литературного.

Основываясь на данных книги Шафарика, Каченовский приводит некоторые статистические данные о словацком населении в Венгрии. Общая численность словаков: «до 1,800.000», из которых «1,300.000 исповедуют католическую веру, а 500.000 евангелическую» (Л. 173 об.). Примечательно, что эти данные Каченовский использовал уже в своем курсе 1828 г. по русской географии, истории и статистике⁴⁶. Каченовский указал также важные особенности расселения словаков в Венгерском королевстве: «нынешние словаки в Северо-Западной Венгрии живут отдельными массами; в других же округах живут в смешении с венграми» (Л. 173 об.).

Вторая часть лекции Каченовского была посвящена характеристике особенностей словацкого языка. Продолжая линию отечественной историографии, начатую П.И. Кёппеном и О.М. Бодянским, М.Т. Каченовский безоговорочно признает самостоятельность этого языка в ряду других славянских языков. Как мы уже говорили, Й. Добровский, а вслед за ним и П.И. Шафарик в начале 20-х годов в своих классификациях славянских языков отнесли его ко второй группе (Й. Добровский) или группе западнославянских языков (П.И. Шафарик). Однако это выделение сопровождалось рядом оговорок. Так, Шафарик, определяя словацкий язык как «особенное наречие», указывал в примечании: «Сочинения словацких писателей в Венгрии являются составной частью чешской литературы; но так как речь словаков составляет особый диалект, я отделил для лучшего обзора раздел о словацкой литературе от чешского»⁴⁷.

Каченовский, признавая самостоятельность словацкого языка, указывает только на особенности его современного ему бытования и употребления в разных слоях общества: «словаки имели свой собственный язык. Этот язык собственно сохранился донныне в простонародии, которое говорит природным своим языком, несхожим с языком людей грамотных и ученых словаков» (Л. 173 об.). (Образованные словаки, как известно, употребляли в качестве литературного и отчасти разговорного «библичтину» или «бернолаковщину», писали на латыни, венгерском и немецком языках. – М.Д.)

Далее в лекции Каченовского был поднят важный вопрос о степени сходства словацкого языка с другими славянскими

языками. Вслед за Добровским и Шафариком он указывал на близость его с современным чешским языком, а также с церковнославянским. При этом он отверг (как Шафарик и Бодянский) претензию ряда словацких ученых-патриотов конца XVIII – начала XIX в. на то, что именно «на словацкое наречие Кирилл и Мефодий совершили перевод Св. Писания». Главным аргументом для всех них служило то обстоятельство, что «к Великоморавскому царству, в коем Кирилл и Мефодий жили и проповедовали, относились и другие славянские племена (богемцы, босняки, сербы, кроаты и др.)» (Л. 174). Каченовский ошибочно вслед за Добровским производил старославянский язык от древнесербского, а не от болгаро-македонского или, по мнению О.Н. Трубачева, «паннонского» наречия. Шафарик же использовал этот аргумент для доказательства того, что словацкий язык никогда в истории не был самостоятельным литературным языком⁴⁸.

Уже Добровский, Шафарик и другие славянские филологи того времени отмечали, что словацкий язык, особенно в некоторых своих диалектах, содержит в себе элементы, общие не только западославянским, но и южнославянским языкам. В связи с этим впоследствии возникло несколько теорий происхождения словацкого языка, выделения его из праславянского⁴⁹. Развивая мысли Добровского и Шафарика о переходном характере словацкого языка, Каченовский пошел в этом направлении дальше всех. Так, он рассматривал словацкий язык не просто как переход от «богемского и польского языков к вендскому и кроатскому»⁵⁰, а как «посредствующий между юго-восточными и северо-западными разделами, следовательно, его можно назвать переходом от одной к другой отрасли славянских народов» (Л. 175).

Далее Каченовский приводит 7 отличительных признаков, которые отделяют словацкий язык от других славянских языков и прежде всего от чешского. Шафарик перечислил в своей книге 10 таких признаков, которые в общих чертах приняты и в современном языкознании. Недостающие признаки, думается, были исключены из лекции Каченовского не по принципиальным соображениям (так как лектор не был знатоком словацкого языка), а по оплошности составителя конспекта И.Е. Бецкого.

Важное значение при характеристике словацкого языка имело выделение его главных диалектов. Каченовский правильно объяснил их происхождение: «Географическое положение словаков, их соседство с богемцами, поляками, русняками, сербами, виндами, отсутствие всякой самобытной литературы и, наконец, влияние иностранцев были причиною, что в этом наречии возникло множество оттенков и разностей, так что весьма трудно привести [их] к одному началу» (Л. 174–174 об.).

С помощью Я. Коллара П.И. Шафарика удалось уже в 1826 г. выделить основные диалекты словацкого языка. Примечательно, что на русском языке характеристика словацких диалектов была опубликована П.И. Кёппеном годом ранее. Каченовский выбрал из этой характеристики лишь самые главные диалекты: а) «чисто словацкий», что соответствует по современной терминологии среднесловацкому диалекту, (в 40-е годы XIX в. именно он был положен Л. Штуром в основу кодификации общенационального словацкого литературного языка); в) «мораво-словацкий», то есть западнословацкий диалект, послуживший основой языковой кодификации А. Бернолака; с) польско-словацкий, то есть восточнословацкий диалект (Л. 175). От романтической оценки благозвучия словацкого языка Каченовский воздержался.

Таким образом, студенты Московского университета уже в 1838 г. могли получить довольно полное общее представление о словацком языке как самостоятельном в ряду других славянских языков, его характерных особенностях и диалектах. Каченовский не ставил тогда своей задачей обучать студентов практическому владению славянскими языками, да и не мог сделать этого в силу свой квалификации. Эту задачу начало решать только новое поколение университетских славистов – О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, П.И. Прейс.

Последняя часть лекции М.Т. Каченовского содержала в себе обзор истории словацкой литературы. Он также был подготовлен на материалах книги Шафарика.

В современном литературоведении⁵¹ выделяются три главные эпохи развития словацкой литературы до середины XIX в. В первой из них (X–XII вв.) в Словакии была распространена письменность на церковно-славянском языке, наследие Великой Моравии; во второй (XIII–XIV вв.) – в литературе преобладала средневековая латынь, и, наконец, в третьей, начиная с XV века, литературно-письменным языком словаков становится чешский («библичина»), который в конце XVIII в. дополняется западно-словацкой «бернолаковщиной». И. Добровский, Й. Юнгман и другие чешские ученые, словацкие протестанты во главе с Я. Колларом и П.И. Шафариком рассматривали словацкую литературу как неотъемлемую принадлежность чешской, сами писали на чешском языке и начинали ее с XV в., со времени гуситских поселений в Словакии. Бернолаковцы, напротив, старались найти корни словацкой литературы во времена существования Великоморавской державы. В русской литературе О.М. Бодянский с некоторыми оговорками начинал обзор словацкой литературы также с XV–XVI вв. М.Т. Каченовский знал о существовании разных мнений о степени самостоятельности словацкой литературы. Как

и бернолаковцы, он выдвинул предположение о существовании в Словакии литературы на церковно-славянском языке во времена проповедей Кирилла и Мефодия и выразил сожаление, что каких-либо памятников этого времени до нас не дошло. Он констатировал далее, что после образования Венгерского государства, в состав которого были включены словацкие земли, «язык латинский был долгое время языком политическим и гражданским». От этой эпохи, – сообщал Каченовский, – сохранились только некоторые надписи на латинском языке, «некоторые XII столетия», «на креслах судейских, на башнях» (Л. 175 об.) и пр. Примечательно, что он отмечает существование в Словакии до XV в. богатого фольклора, от которого сохранилось лишь несколько песен, «которых только начальные строки известны» (Л. 176). Эти песни были приведены на словацком и русском языках в упоминавшейся ранее рецензии О.М. Бодянского.

Период активной литературной деятельности у словаков Каченовский вслед за Шафариком связывает с развитием гуситского движения в Чехии и Реформацией, то есть с XV – XVI вв. «Гуситы, начавши умственный переворот в Богемии, совершили его и в Словакии» (Л. 176). Массовое переселение гуситов в Словакию, распространение богослужебных книг на чешском языке способствовали, по его мнению, развитию образованности среди словаков, возбудили их «умственную деятельность». Этому же содействовала и Реформация: «С Реформациею просветились их умы и привели в движение деятельность литературную. С этого времени печатались книги богемские, были употребляемы литераторами в Венгрии и туда им в Богемию пересылаемы» (Л. 176). Каченовский отметил интенсивный культурный обмен между чешскими и словацкими протестантскими проповедниками, совершавшими богослужение на чешском языке, открытие многих школ. Он справедливо указал, что литература того времени носила исключительно религиозный характер, и ее целью было распространение протестантства среди словаков. Как положительное явление в развитии словацкой культуры Каченовский оценивает открытие там многих школ «в различных местах», заведение первых типографий со второй половины XVI в. Профессор называет даже древнейшую печатную книгу в Словакии – «Латинословацкий катехизис», изданный Яном Пруно в 1581 г. в Глоговаце (Фрейштадте) (Л. 176 об.). Примечательно, что первое упоминание об этой книге содержится в «Библиографических листах» П.И. Кёппена⁵².

Среди виднейших писателей XVI века Каченовский справедливо выделил Яна Сильвануса и Яна Таборского, авторов сочинений «духовного содержания» (Л. 177). Кроме положительных

моментов развития словацкой литературы этого периода Каченовский обращает внимание своих слушателей и на факторы, оказывающие на нее негативное влияние, связанные с историческими условиями развития Словакии. Это прежде всего «внутренние междоусобия» в Венгрии, связанные с борьбой различных группировок венгерской шляхты за власть в стране и с Габсбургами, а также «нападения турок», захвативших в 1562 г. южную часть Словакии (Л. 176 об.).

Среди факторов, отрицательно повлиявших на развитие словацкой литературы в XVII веке, Каченовский справедливо называет поражение чешских сословий в битве при Белой горе (1620), повлекшее подчинение Чехии власти Габсбургов и последующие за этим гонения на протестантов, как следствие католической реакции, проводимой ревностным католиком-фанатиком императором Фердинандом II. Все это повергло «не только Чехию и Моравию, но и Словакию со всею Северною Венгриєю в пучину бедствий» (177 об.). Литературная деятельность, по мнению Каченовского, в этот период развивалась «весьма слабо». Из писателей XVII века он назвал только имя теолога Юрая Трановского, который в 1637 г. «первый в Богемии издал богемо-словацкую книгу церковных песней, употребляемых и поныне» (Л. 177).

Характеризуя развитие словацкой литературы в XVIII – начале XIX вв., Каченовский в числе факторов, оказавших благоприятное влияние на ее развитие, называет «благотворные царствования» и реформы Марии Терезии и Иосифа II. (При последнем был издан толерантный патент, уравнивший в правах католиков и протестантов, о котором упоминает в своей книге и Шафарик⁵³). Среди негативных факторов развития литературы у словаков Каченовский указывает «народившиеся партии» (Л. 177), имея в виду католиков-бернолаковцев и словацких протестантов. Положительным явлением словацкой литературы эпохи Просвещения русский профессор считает то, что «число писателей между словаками увеличилось и предметы письменности не ограничивались одною теологиею, но относились к гражданской жизни» (Л. 177 об.).

Закономерно встает вопрос, какую же позицию занял М.Т. Каченовский в оценке деятельности двух направлений словацкой национальной интеллигенции? Осуждая сам факт разделения словацкой литературы на «два толка», что наносило вред, по его мнению, ее успешному развитию и народному просвещению, ученый, тем не менее, старался отдать должное заслугам представителей обоих течений в деле развития национальной культуры словаков. Среди «особо замечательных» писателей того времени Каченовский отметил А. Бернолака и его соратника и

последователя Ю. Фандлы: «Они в конце последнего столетия составили даже общество с целью содействовать возделыванию словацкого языка» (Л. 177 об.). Имелось в виду основанное ими в Трнаве в 1792 г. «Словацкое ученое товарищество», задачей которого было распространение бернолаковщины и утверждение словацкой национальной культуры и литературы. В отличие от П.И. Шафарика, в книге которого под маской объективности таилась негативная оценка деятельности бернолаковцев, наносивших, по его мнению, большой вред «культуре языка» и чешско-словацкому языковому единству⁵⁴, Каченовский очень положительно, как «успешные», оценивал усилия бернолаковцев по кодификации словацкого языка и особенно 6-ти томный «Словацко-чешско-латинский-немецко-мадьярский словарь», изданный в 1825–1827 гг., уже после смерти А. Бернолака, который он назвал «превосходным трудом в славянской литературе» (Л. 177 об.). Словарь венчал и научно обосновывал многолетнюю работу А. Бернолака по кодификации западнословацкого диалекта в качестве литературного языка словаков.

Наряду с этим Каченовский характеризовал и деятельность протестантского крыла словацкой интеллигенции, но более сдержанно, чем П.И. Шафарик. Он сообщил об организации профессором чешско-словацкого языка и литературы при Братиславском евангелическом лицее «особого института для охранения богемско-словацкого языка в его первобытной чистоте». Речь идет об «Институте чешско-словацкой литературы и языка», основанном в 1803 г. в противовес «ученому товариществу» А. Бернолака. Институт этот просуществовал недолго, что было отмечено Каченовским. Примечательно, что из всех представителей протестантского направления словацкой литературы ученый называет только имя «замечательного стихотворца» Яна Коллара, а из его произведений отмечает не знаменитую и известную в России поэму «Дочь Славы», написанную в духе славянской взаимности на превосходном чешском языке, а его собрание словацких песен 1834–1835 гг., которое рецензировал О.М. Бодянский. Подчеркивая, что главная заслуга Я. Коллара заключается в том, что «он собрал все песни словацкие» (Л. 177 об.), М.Т. Каченовский тем самым, на наш взгляд, выступил продолжателем тенденции, отмеченной нами у П.И. Кёппена и отчасти О.М. Бодянского, высоко ценить лишь те труды в словацкой литературе, которые выражали ее самобытность и самостоятельность в ряду других славянских литератур. В этом проявилось существенное различие его взглядов от П.И. Шафарика в подходе к оценке словацкой литературы.

Итак, в отношении представления об истории словацкой ли-

тературы русские студенты могли получить из лекции Каченовского много полезных и оригинальных сведений. В отличие от книги Шафарика, подчас излишне перегруженной библиографическими сведениями об авторах и их трудах, Каченовский отобрал с позиций науки своего времени и в соответствии со своими взглядами все самое существенное. В его лекции четче выступают различные эпохи развития словацкой литературы, отмечены факторы общественно-политической жизни, оказавшие на нее негативное или позитивное влияние, что станет приобретением отечественной литературы второй половины XIX в. в лице трудов адептов культурно-исторической школы. Привлекает и самостоятельность позиции Каченовского в оценке перспектив развития словацкой литературы. Он явно отдавал предпочтение ее пути на национальное обособления от чешской. Эта была прогрессивная позиция, оправданная временем, тем более, что кодификация словацкого литературного языка, произведенная Л. Штуром в 1843 г., была не за горами.

Традиция самостоятельного рассмотрения словацкого языка и литературы независимо от чешской была продолжена в 40-е – 50-е годы XIX в. новым поколением университетских славистов, прежде всего О.М. Бодянским и И.И. Срезневским, совершившими путешествие по славянским землям и Словакии и на месте познакомившимися с положением словацкого народа и его культурой, горячо одобрявшими и поддерживавшими усилия Л. Штура и его сторонников в создании общесловацкого литературного языка⁵⁵.

Анализ сохранившихся разделов лекций О.М. Бодянского, П.И. Прейса и И.И. Срезневского, посвященных словакам, которые мы имели в своем распоряжении, позволяют определить некоторые их характерные черты. Все они касаются главных особенностей словацкого языка и сведений об истории и развитии литературы словаков, которые служили им в той или иной степени необходимым дополнением.

Лекции университетских славистов о словаках в 40-х – начале 50-х годов основывались на соответствующей главе новой книги П.И. Шафарика «Славянская этнография» («Slovanský národopis»), изданной в Праге в 1842 г. и в русском переводе О.М. Бодянского в 1843 г. Сразу же отметим, что здесь словацкий язык рассматривался как диалект («наречие») чешского языка⁵⁶. Главное внимание в соответствии с задачами книги автор посвятил описанию границ распространения соответствующего славянского языка и его диалектов, этнографических особенностей и численности населения, говорящего на нем. Основную информацию дополняли краткие сведения по истории и истории литера-

туры каждого славянского народа. Что касается степени подробности материала, то «Славянская этнография» существенно уступала учебному пособию П.И. Шафарика «История славянских языков и литератур...» 1826 г., однако, содержала новейшие сведения.

Из новой книги Шафарика молодое поколение российских славистов переняло структурное распределение материала, но существенно дополнила его результатами собственных исследований и личных наблюдений над этнографическими особенностями словацкого населения, его занятиями и промыслами в разных комитатах или столицах (административных районах), подробным описанием диалектов словацкого языка. Таким направлением отличались, в частности, лекции И.И. Срезневского⁵⁷. По сравнению с лекцией М.Т. Каченовского 1838 г. фонетические и грамматические особенности словацкого языка более подробно анализировал П.И. Прейс⁵⁸. Лекции (главным образом у О.М. Бодянского и И.И. Срезневского)⁵⁹ дополнялись разбором образцов текстов на словацком языке. Чаще всего студентам предлагались для сравнения и анализа словацкие народные песни из сборника Я. Коллара. В отличие от Шафарика упомянутые российские слависты признавали самостоятельность словацкого языка. В данном случае именно знание конкретной обстановки в Словакии и горячие симпатии к реформе Л. Штура⁶⁰ имели для них большее значение, чем авторитетное мнение П.И. Шафарика. Однако в последствии, приблизительно с конца 50-х годов, О.М. Бодянский, а позднее и И.И. Срезневский, а первоначально и В.И. Григорович стали оценивать словацкий язык как диалект чешского языка⁶¹.

Что касается изложения материала об «исторических судьбах» и истории литературы словаков в лекциях молодых российских славистов, то исходя из источников, которыми мы располагаем, оно по сравнению с лекцией М.Т. Каченовского давалось несколько более бегло и сжато. История Великой Моравии в этой части курса почти совсем опускалась, говорилось только о завоевании словаков-земледельцев мажарскими кочевниками, которые находились на более низком уровне культурного развития. В отличие от Каченовского эти ученые в духе романтизма провозглашали, что с утратой «своего дворянства» история словацкого народа не заканчивалась, а начиналась подлинная «народная история», правда никаких фактов этой истории не приводилось (И.И. Срезневский)⁶². Далее они излагали перипетии религиозной борьбы в Словакии, начиная с XVI в. В цикле лекций И.И. Срезневского особенно подчеркивался тот факт, что инициаторами национального Возрождения в конце XVIII в. выступили

пали словацкие интеллигенты, выходцы «из среды простого народа». В лекции П.И. Прейса⁶³ довольно подробно разбирались причины «духовного пробуждения» словаков в первой половине XIX в., в числе которых были названы просветительские и централизаторские реформы Иосифа II и националистические выступления венгерской шляхты. Срезневский и Прейс, однако, всегда подчеркивали полную лояльность общеславянского движения монархии Габсбургов. Исторический обзор развития словаков в лекциях Бодянского и Срезневского оканчивался в духе романтизма описанием черт характера словацкого народа⁶⁴, что у Каченовского полностью отсутствовало.

В соответствии с взглядами молодого поколения российских славистов история словацкой литературы начиналась в XV–XVI вв. Они приводили имена наиболее известных писателей-протестантов. Раскол в лагере словацкой интеллигенции они оценивали в традициях русской литературы относительно объективно. Причем заслуги в возрождении словацкого народа они отмечали у представителей обоих лагерей, как у А. Бернолака, Я. Голлого, так и у П.И. Шафарика, Я. Коллара, Л. Штура и др. В оценке творчества словацких поэтов в равной мере подчеркивался прежде всего их патриотизм и приверженность идее славянской взаимности⁶⁵.

Таким образом, сопоставляя лекцию о словаках в курсе М.Т. Каченовского 1838 г. и словацкую тематику в лекциях его последователей – российских славистов 40–50-х гг., мы не можем констатировать наличие принципиальных качественных различий в уровне подачи материала, даже несмотря на то, что первый готовил их на основе отечественной и доступной в России иностранной литературы, а его последователи – кроме нее, на материалах своих научных командировок в славянские земли. В обоих случаях они основывали свои лекции прежде всего на трудах П.И. Шафарика. Главное различие заключалось в том, что Каченовский в трактовке материала стоял на позициях просветительского рационализма, а молодые российские слависты (может быть, за исключением П.И. Прейса) были приверженцами романтизма. В конкретной подаче материала М.Т. Каченовский даже имел некоторые преимущества. Некоторые разделы (главным образом, по истории и истории литературы) отличались большей систематичностью и последовательностью в отборе фактов. Причем в некоторых случаях с точки зрения дальнейшего развития науки рационализм Каченовского был более оправдан, чем романтическая интерпретация исторического и филологического материала молодыми славистами-романтиками. В любом случае важно то, что российские слависты обоих поколений в 30–40-е

годы XIX в. выступали приверженцами самостоятельности словацкого языка и литературы и эти представления передавали своим студентам.

Таким образом, лекция М.Т. Каченовского «История языка и литературы словаков», прочитанная в 1838 г., в свете вышесказанного представляется нам важным явлением в истории становления университетского славяноведения в России и дальнейшем развитии русско-словацких научных связей в первой половине XIX в. На основе доступной ему и наиболее авторитетной зарубежной литературы, с учетом отечественной интерпретации словацких сюжетов, он прочитал курс, отличавшийся строгим отбором фактов, наиболее существенных с точки зрения его представлений, последовательностью и достаточной полнотой изложения, даже по сравнению с лекциями молодых университетских славистов в 40-х годов. Их интерпретация с позиций рационально-просветительской историографии выгодно отличала его от субъективных романтических концепций его продолжателей. Особенно ясно это проявилось в попытке объективной оценки места и значения словацкого языка и литературы среди других славянских языков и литератур, что вполне оправдывалось последующим развитием словацкого народа. Просветительский принцип равенства всех языков и народов оказался более прозорливым, чем национально-эгоистические попытки чешских и словацких ученых, приверженцев романтизма, выступавших с позиций узко понимаемой славянской взаимности за языковое и культурное единство чехов и словаков.

М.Т. Каченовский. История языка и литературы словаков

Лекция X

[§44] Словаки обитают в Венгрии; история замечает, что они принадлежали к славянам, которые занимали пространство между Карпатами и Дунаем, следовательно, в VI столетии были известны Прокопию⁶⁶. Словаки язык свой называют «словенским». Они обитают в тех местах, где еще прежде пребывали сарматы *limigantes*, *Jazyges metanastae*, после, когда переселились сарматы, осталось только племя словаков; происшествие, следовательно, в пользу тех, которые производят славян от сарматов. Эти же словаки до появления в тех странах венгров (угров, мадьяров в IX столетии) могли быть в сношениях с народами их окружающими, соседними, как, например, с козарами, моравянами, с северо-востока – с булгарами и волохами. С того времени, когда появились венгры, словаки были им подвластны⁶⁷, и с тех пор словаки теряются в истории; они хотя и существовали, но политического быта уже не имели. Венгры сами народ варварский, между тем словаки занимались земледелием, многие из них были ремесленники, доказательством тому служат слова словацкие, оставшиеся донныне в венгерском языке, выражающие понятие о земледелии и разных ремеслах.

В продолжение нескольких столетий, когда словаки находились под владычеством венгров, словаки не могли иметь никакой литературы. Первое произведение литературы словацкой относится к XV столетию, когда в Богемии возникло движение вследствие гуситов, многие из них, преследуемые, поселились в Верхней Венгрии. Искра⁶⁸, природный богемец и полководец, был основателем поселения богемцев между словаками в Венгрии.

Таким образом, словаки в разных местах Венгрии перемешались с богемцами, посему должна была произойти и перемена в их языке.

Между прочим, заметить надобно, что нынешние словаки в Северо-Западной Венгрии живут отдельными массами, в других же округах живут в смешении с венграми. А число всех словаков простирается до 1.800 000, из которых 1.300 000 исповедуют католическую веру, а 500 000 – евангелическую⁶⁹. Последние, т.е. лютеране, много содействовали к приниманию богемской литературы.

[§45] Теперь о влиянии на характер словацкого языка. Из того, что мы сказали, видно, что, стало быть, словаки имели свой собственный язык. Этот собственный [язык] сохранился донныне в простонародии, которое говорит природным своим языком, несхожим с языком людей грамотных и ученых словаков. Наречие словацкое, которое есть достояние простого народа, имеет большое сходство с языком церковно-славянским. Это разительное сходство этих наречий заставило некоторых думать, что на словацкое наречие Кирилл и Мефодий⁷⁰ совершили перевод Св. Писания, но ведь к Великому Моравскому царству, в коем Кирилл и Мефодий жили и проповедовали, кроме словаков относились еще и древние славянские племена (богемцы, босняки, сербы, кроаты и др.).

Обработыванием языка словацкого только в последнее время начали заниматься. Язык, употребляемый ныне словаками, можно разделить, во-первых, на просторечие и, во-вторых, на язык книжный. Первым говорит простой народ, другой же есть не что иное, как язык богемо-словацкий.

Словацкий язык по своему происхождению весьма близок к древне-славяно-церковному. Географическое положение словаков, их соседство с богемцами, поляками, русняками [русинами – М.Д.], сербами, виндами, отсутствие всякой самобытной литературы и, наконец, влияние иностранцев были причиною, что в этом наречии возникли множество оттенков и разностей, так что весьма трудно привести [его] к одному началу. Однако ж, тем не менее, можно заметить следующее. Отличие словацкого⁷¹ языка от прочих славянских наречий и преимущественно от богемского [заключается в следующем]:

1. Словаки любят употреблять открытые гласные *a*, *o*, *u* вместо сжатых богемских *e*, *i*, например, *podošva*, *duša*, а у богемцев – *podešev*, *duše*.

2. Множество двугласных дифтонгов *ia*, *iu*, *ou*, *uo* и притом слитные, т.е. в выговоре соединяются, например, *chodia*, *nosia*. Эти слова *ходя*, *нося*, точно как в церковно-славянском, и звучат не как немецкое и чешское *u*, не как *v*, а средние.

3. Имеется звук средний между *a* и *e*, тоже, например, *meso*, а иные словаки говорят *máso* [мясо].

4. В языке словацком совершенно не употребляется богемо-польские шипящие *rz* (*ř*), так, например, *rieka*, *remeslo*, тоже как в церковно-славянском и русском.

5. Словаки имеют и *g*, и *h*, например, *guba*, *hora*.

6. Имеют предлог *roz* и *raz*, например, *rozum*, *ráztok*.

7. Многие слова произносятся без гласных или лучше стечением нескольких согласных. Например: *stlb*, *mhla*.

Один ученый словак Юрий Рыбай⁷² употребил много времени и не жалел трудов для собрания 15.000 чисто словацких слов, по которым можно судить, к какому разряду относится словацкий язык.

Словацкий язык можно разделить на три ветви:

а) чисто словацкий, в) мораво-словацкий, с) польско-словацкий (последний в горах Карпатских, по соседству с поляками...)

Вообще, надобно заметить, что словацкое наречие есть посредствующее между юго-восточным и северо-западными разрядами, следовательно, его можно назвать переходом от одной к другой отрасли славянских народов.

[§46] Теперь будем говорить о литературе словаков.

Мы уже выше сказали, что словаки собственной своей литературы не имеют; нет никаких древних памятников письменности словенской. Есть очень древние католические церкви, живопись в этих церквях имеет много признаков византийских, доказательство, что эти храмы принадлежали некогда людям греческого вероисповедания. Мы знаем, что в Венгрии язык латинский был долгое время языком и политическим и гражданским. Вот почему нет никаких старинных надписей на словенском языке, а только на латыни. Так, например, есть надпись на колоколе, относящаяся к XII столетию: «O fusa est campana etc.»⁷³ Есть также надписи на креслах судейских, на башнях и др., но все они на латинском языке. Следовательно, что хотя они были сделаны и словаками, но, однако ж, к их собственной литературе не принадлежат.

Следовательно, с XV столетия только пришедшие богемцы возбудили умственную деятельность словаков. До того времени словаки не имели никаких средств до возвышения своей литературы, и можно решительно сказать, что с XVI столетия, с Реформациею просветились их умы и привели в движение деятельность литературную. С того времени печатные книги богемские были употребляемы лютеранами в Венгрии и туда им в Богемию пересылаемы. Прежде XV столетия словаки не имели ничего литературного, кроме нескольких песен, которых только начальные строки известны. Со времени Реформации (в начале XVI столетия) литература чешско-словацкая начала возвышаться. Словацкие проповедники с этого времени отправляли богослужение на своем отечественном языке.

Природные богемцы и моравы в качестве учителей, проповедников весьма охотно переселялись в Венгрию.

Во всяком случае, можно заметить, что гуситы, начавши умственный переворот в Богемии, совершили его и в Словакии.

Это-то явление богемцев было причиною, что в Словакии литературным языком сделался богемский. Особенно в половине XVI столетия множество евангелических книг вместе с проповедниками перешло из Богемии в Словакию. Рассмотрим теперь следующие столетия, каждое порознь.

XVI столетие. В это время, несмотря на противодействие католиков, в Верхней Венгрии и Словакии утверждалась реформатская вера, вместе с этим и богослужение начали отправлять на богемском языке. Первые словацкие писатели XVI столетия были богословы. В это время заведены были многие школы в различных местах. Вскоре, однако ж, внутренние междоусобия, еще более нападения турок начали подавлять и эти благотворные начинания.

Несмотря на это, во второй половине XVI столетия начали заводить в самой Словакии типографии. Древнейшая печатная книга в Словакии – катехизис, изданный Иоанном Пруно⁷⁴ в 1581 г. в Фрейштадте. После были печатаны песни богослужебные: проповеди, вообще сочинения содержания духовного.

Словацкие писатели этого столетия суть очень немногие: Иоанн Сильванус⁷⁵, Иоанн Таборский⁷⁶, Иоанн Пруно (†1586), [последний] писал церковные песни и издал катехизис. Это один из ревностных распространителей просвещения в своем Отечестве.

XVII столетие. События, бывшие следствием сражения при Белой горе в 1620 г., повергли не только Богемию и Моравию, но и Словакию, вместе со всю Северную Венгрию в пучину бедствий. Письменная деятельность, хотя продолжалась, но весьма слабо. Писатели этого времени были также большею частью только теологи. Георгий Трановский⁷⁷ (†1637) он первый в Богемии издал богемско-словенскую книгу церковных песней, употребляемую и поныне.

XVIII и XIX столетие. В начале XVIII столетия нашлись мужи, заботившиеся о восстановлении письменности богемско-словенской. Этому много содействовали благотворные царствования Марии Терезии⁷⁸ и Иосифа II⁷⁹. Но между учеными словаками народились партии, мнения были разделены. Одни хотели писать на богемском языке, другие – на собственном словацком.

Между тем число писателей между словаками увеличивалось и предметы письменности не ограничивались только теологиею, но относились и к гражданской жизни.

Протестантские словаки писали на богемском наречии. Между писателями этого времени особенно замечательны: Бернолак⁸⁰ и Фандлы⁸¹. Они в конце столетия составили даже общество с целью содействовать возделыванию словацкого языка. Словацкие же протестанты основали в Пресбурге в 1803 г. особый Институт для охранения богемо-словацкого языка в его первобыт-

ной частоте, но этот Институт уничтожился вскоре, между тем труды католиков были гораздо успешнее в этом отношении. Словарь Бернолаков есть превосходный труд в славянской литературе.

Нынешние писатели весьма замечательные: Иоанн Коллар⁸², стихотворец. Он также собрал все песни словацкие (См. [Московский] наблюдатель 1831. Октябрь. 1 книжка)⁸³. Из источников для познания словацкой литературы особенно замечательно сочинение Добровского⁸⁴ о литературе словаков⁸⁵.

¹ Основную литературу по теме см.: *Stanislav J. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jana Hollého a L'udovíta Štúra*. Bratislava, 1957. S. 12; *Лацок М.* Русская славистика и словацкий язык // Советское славяноведение. М., 1968. №2. С. 65–72; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 385–394; История Словакии. М., 2003. С. 387–408.

² См.: *Лантева Л.П.* Ян Коллар в русской дореволюционной литературе // Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах. М., 1970. С. 291–309; *Она же.* П.И. Шафарик в русской дореволюционной литературе // *Sborník Národního musea v Praze. Řada C. Literární historie*. Praha, 1967. Sv. 12. Č. 5; *Она же.* Людовит Штур в русской литературе XIX в. // *L'udovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit*. Bratislava, 1969. S. 394–401.

³ *Лацок М.* Указ. статья; *Зайцева А.А.* П.И. Кеппен и Словакия. Из истории русско-словацких культурных связей первой половины XIX в. // *Slovenská a ruská literatúra. Vzťahy a súvislosti*. Bratislava, 1973. S. 89–105; *Dostal'ova M.J.* I.I. Sreznevskij a Slováci v 40. až 70. rokoch 19. storočia // *Historické štúdie*. 24. Bratislava, 1980. S. 97–118; *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003 и др.

⁴ *Бецкий И.Е.* История славянских языков и литератур – лекции профессора М.Т. Каченовского в Московском университете. См.: ОР и РК РНБ. Ф. 71. № 2. Л. 172 об.–177 об.

⁵ Сокращенный вариант статьи без приложения на словацком языке был опубликован. См.: *Dostal'ova M.J. Z dejín rusko-slovenských vzťahov v prvej polovici 19. stor.* // *Historický časopis*. Bratislava, 1988. № 2. S. 246–262. См. также следующий очерк и статью: *Досталь М.Ю.* Лекция М.Т. Каченовского по истории южнославянских народов в Московском университете в 1838 г. // *Источниковедение балканского средневековья*. Калинин, 1988. С. 108–118.

⁶ *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887–1888; *Венедиктов Г.К.* К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // Советское славяноведение. 1983. №1. С. 91–99; *Билунов Б.Н.* К истории славяноведения в Московском университете (1811–1835) // Из истории университетского славяноведения в СССР. Славяноведение в МГУ. Вып. 2. М., 1983. С. 27–32; *Макарова Г.В.* М.Т. Каченовский и становление славяноведения в России // *Историо-*

графические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 63–96.

⁷ *Кочубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения... С. 40.

⁸ Там же. С. 46. См. также: *Полуденьский М.* Указатель к Вестнику Европы 1802–1830. М., 1861. С. XII.

⁹ *Никулина М.В.* Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (На материале русских периодических изданий) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 136–159; *Бернштейн С.Б.* Константин-философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984 и др. Академик О.Н. Трубачев отстаивал также паннонское происхождение старославянского языка. См.: *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002 и др.

¹⁰ Очерки исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 336; *Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.) Харьков, 1965. С. 216 и др.

¹¹ *Венедиктов Г.К.* К начальной истории славистической кафедры... С. 91–99.

¹² *Лантева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М., 1997. С. 29–31.

¹³ См., например: *Ягич В.* История славянской филологии. Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910 и репринтное переиздание. М., 2003; *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760.* Biograficko-bibliografický slovník; Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

¹⁴ *Никулина М.В.* О состоянии и особенностях развития русского славяноведения в первой трети XIX в. // Советское славяноведение. 1983. №5. С. 88–90.

¹⁵ *Štúdijske z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. storočia.* Bratislava, 1978.

¹⁶ *Билунов Б.Н.* К истории славяноведения... С. 16–17.

¹⁷ *Кочубинский А.А.* Начальные годы... С. 48–53.

¹⁸ *Билунов Б.Н.* К истории славяноведения... С. 25–26; *Макарова Г.В.* М.Т. Каченовский и становление славяноведения... С. 85–87; *Венедиктов Г.К.* Новые материалы к биографии Ю.И. Венелина // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 649. Из истории славяноведения в России. II. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1983. С. 30–54.

¹⁹ *Билунов Б.Н.* К истории славяноведения... С. 28–29; *Досталь М.Ю.* Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844) // Славянская филология. К X международному съезду славистов. Л., 1988. Вып. VI. С. 24–34.

²⁰ *Кочубинский А.А.* Граф Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов // Вестник Европы. СПб., 1896. Т. 4. №7. С. 179.

²¹ О дискуссии подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Некоторые итоги изучения славистической и балканистической историографии // Советское славяноведение. 1985. №2. С. 90.

²² Из обширной литературы см., например: *Butvin J. Slovenské národné zjednocovanie hnutie (1780–1848)*. Bratislava, 1965. 391 s.; История словацкой литературы. М., 1970; *Матула В.* Представления о славистике и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // Советское славяноведение. М., 1978. №2. С. 58–71; *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 86–157; Освободительное движение народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII–1849. М., 1980. С. 181–193; *Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001 и др.

²³ *Tibenský J. Slovenská historiografia v období počiatkov slovenského národného obrodenia (1780–1830)* // Historický časopis. Bratislava, 1980. №4. S. 543–539.

²⁴ *Лавров П.А.* Жизнь и ученая деятельность П.И. Шафарика. М., 1897. С. 44–50.

²⁵ *Dobrovský J. Dějiny české řeči a literatury*. Praha, 1951. S. 14.

²⁶ *Dobrovský J. Über die Literatur der Slowaken* // Slovanka. Prag, 1815. S. 177–187.

²⁷ *Dobrovský J. Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Prag, 1818. S. 32. *Idem.* Institutiones linguae slavicae dialecti veteris... Vindobonae, 1822. P. IV.

²⁸ Обозрение новейшей богемской литературы // Сын Отечества. СПб., 1822. №77. Кн. 19. С. 223.

²⁹ Теперь стало известно, что это рецензия английского литературного критика Д. Бауринга на второе издание поэмы «Дочь Славы» Я. Коллара. Она была перепечатана в русском переводе из журнала «Ревю Британику». («*Rewue Britanique*»). См.: *Зайцева А.А.* Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX в. // Литература славянских народов. М., 1963. С. 110; *Рокина Г.В.* Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе в первой половине XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 183.

³⁰ *Лацпок М.* Русская славистика и словацкий язык. С. 65–72.

³¹ См.: *Rosenbaum K. Vznik a význam Šafárikových Dejín slovenského jazyka a literatury všetkých nárečí* // *Šafárik P.J. Dejiny slovenského jazyka a literatury všetkých nárečí*. Bratislava, 1963. S. 7–30; *Pavol Jozef Šafárik v slovenskej a českej slavistike. Zborník venovaný XI. Medzinárodnému zjazdu slavistov v Bratislave*. Košice, 1993.

³² *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху возрождения... С. 86–157.

³³ Залан – полупоупендарный славянский князь, внук Крума, правивший в Восточных Карпатах в IX в. Он не смог оказать сопротивления напору венгров.

³⁴ *Лавров П.А.* Жизнь и ученая деятельность П.И. Шафарика. М., 1897. С. 45.

³⁵ Там же. С. 53–54.

³⁶ *Бодянский О.М.* Рец. на кн.: *Kollár J. Národné zpievanky čili Písne světské Slováků v Uhrách*. Budín, 1834–1835. D. I-II // Московский наблюдатель. М., 1835. Ч. 4. № 15–18. С. 383–416, 578–687.

³⁷ Šafárik P.J. Dejiny slovanského jazyka... S. 362, 365, 374.

³⁸ Бодянский О.М. Указ. рец. С. 404.

³⁹ Там же. С. 406.

⁴⁰ Šafárik P.J. Dejiny slovanského jazyka... S. 365.

⁴¹ Бодянский О.М. Указ. рец. С. 408.

⁴² ОР и РК РНБ. Ф. 71. №2. Листы рукописи, пронумерованные архивистами, далее указаны в круглых скобках.

⁴³ Поулик Й. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 39–42.

⁴⁴ См., например: Гильфердинг А.Ф. Венгрия и славяне // Русская беседа. М., 1860. Кн. 2. С. 111. «Внедрение мадьяр на среднем Дунае имело неисчислимые последствия для западнославянского мира. Племя, совершенно чуждое славянам и всей Европе, разделило западный славянский мир на две половины, северную и южную, и не оставило между ними ни одной точки соприкосновения. Западный славянский мир предоставлен был всецело духу обособления, который начинал проявляться в нем, когда утверждение мадьяр в Дунайской равнине вдруг остановило западное славянство на этом пути и дало перевес силе объединения... Отделенные друг от друга и разъединенные между собой, ни северная, ни южная группа, ни в силах были сделаться самостоятельными деятелями европейского просвещения, наряду с великими народами романскими и германскими».

⁴⁵ Гуса В. История Чехословакии. Прага, 1963. С.46. См. также: Přehled dějin Československa. Do roku 1526. Praha, 1980. S. 149–150 и др.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 66. Карт. 3117. Л.4 об.

⁴⁷ Šafárik P.J. Dejiny slovanského jazyka... S. 362.

⁴⁸ Ibidem. S. 365.

⁴⁹ Krajčovič R. Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981. S. 9–15; Кондрашов Н.А. Славянские языки. М., 1986. С.176.

⁵⁰ Dobrovský J. Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur. Prag, 1818. S. 33.

⁵¹ Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava, 1958; История словацкой литературы. М., 1970. С. 5–23 и др.

⁵² Библиографические листы. СПб., 1825. № 26. С. 369.

⁵³ Šafárik P.J. Dejiny slovanského jazyka... S. 373.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 472–473.

⁵⁶ Šafařík P.J. Slovanský národopis. Praha, 1975. S. 90.

⁵⁷ Dostal'ova M.J. I.I. Sreznevskij a Slováci v 40. až 70. rokoch 19. storočia // Historické štúdie. Bratislava, 1980. D. 24. S. 102–103, 105.

⁵⁸ Преис П.И. Славянские наречия. Университетский курс. См.: Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее ПФ РАН). Ф. 109. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁵⁹ *Алексашикина Л.Н.* О.М. Бодянский – первый славист Московского университета // Вестник Московского университета. М., 1973. Серия История. №5. С. 42; *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. С.474–482.

⁶⁰ Поддержка О.М. Бодянским и И.И. Срезневским реформы словацкого литературного языка, проведенной Л. Штуром в 1843 г., дала повод сторонникам чешско-словацкого языкового единства обвинить последних в подстрекательстве к словацкому сепаратизму. См.: *Францев В.А.* Чешско-словенский раскол и его отголоски в литературе сороковых годов. Памяти Людовита Штура. 1815–1915 // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. Вып. 74. С. 82–112 и др.

⁶¹ *Dostal'ova M.J.* I.I. Sreznevskij a Slováci... S. 111–113. Уже в «Программе по кафедре истории и литературы славянских наречий на 1855–1856 гг.» О.М. Бодянского словацкий язык не оценивался как самостоятельный. См.: Отдел рукописей Института украинской литературы им. Т.Г. Шевченко. Киев. Ф. 99. №20. Л. 29. *Лацюк М.* Русская славистика и словацкий язык... С. 72.

⁶² *Dostal'ova M.J.* I.I. Sreznevskij a Slováci... S. 102; *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками... С. 474–482.

⁶³ *Преїс П.И.* Вступительная лекция в С.-Петербургском университете (18 марта 1843 г.) См.: ПФ АРАН. Ф. 106. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

⁶⁴ *Dostal'ova M.J.* I.I. Sreznevskij a Slováci... S. 102.

⁶⁵ *Преїс П.И.* Вступительная лекция... Л. 21; *Бодянский О.М.* Конспект по кафедре истории и литературы славянских наречий при Московском университете. 1848. См.: ОР и РК РНБ. Собрание А. Титова. №4122; *Dostal'ova M.J.* I.I. Sreznevskij a Slováci... S. 103–106.

⁶⁶ Прокопий Кессарийский (ок.500–после 565), византийский писатель, историк.

⁶⁷ Словацкие земли вошли в состав Венгерского королевства в XI веке.

⁶⁸ Искра из Брандыса Ян (?–после 1468), чешский полководец, один из военачальников таборитов в Словакии. Стал верховным гетманом венгерского короля (1440–1452), преследовал движение «братиков».

⁶⁹ См.: *Šafárik P.J.* Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nářečí. Bratislava, 1963. S. 361.

⁷⁰ Кирилл (ок.827–869), до принятия монашества в 869 г. – Константин-философ, славянский просветитель, один из создателей славянской азбуки. Переводил с греческого на старославянский язык основные богослужебные книги. Мефодий (ок.815–885), славянский просветитель. Вместе с братом Константином был приглашен князем Ростиславом в Великую Моравию для введения богослужения на славянском языке.

⁷¹ В лекции М.Т. Каченовского нет установленного написания слова «словацкий». Чаще всего употребляется написание «словенский» или «словацкий». Последнее – заменяем далее современным.

⁷² Рибай Юрай (1754–1812), словацкий писатель, языковед, этнограф, публицист. Представитель науки эпохи Просвещения, зачинатель славяноведения в Словакии. Собранные им словацкие диалектные слова вошли в состав «Чешского словаря» Ю. Палковича.

⁷³ Полностью надпись на латинском языке звучала так: «O fusa est campana in honore Dei omnipotentis et in honore sancti Quirini», что означает «Колокол отлит в честь Господа всемогущего и в честь св. Квирина». См.: *Šafárik P.J. Dejiny slovenského jazyka ...* S. 366.

⁷⁴ Пруно-Фраштацкий Ян (1560–1586), словацкий религиозный поэт, издатель «Латино-словацкого катехизиса» (1585)

⁷⁵ Сильван (Сильванус) Ян (1493–1573), словацкий поэт эпохи Ренессанса. Писал духовные стихи – «псалмы кающихся».

⁷⁶ Таборский Юрай (?–1596), словацкий религиозный писатель, евангелический пастор. Автор духовных песен и стихов.

⁷⁷ Грановский Юрай (1592–1637), словацкий религиозный писатель, учитель, протестантский священник. Писал на чешском языке прозаические молитвы. Собирал и издавал гуситские, уtrakвистские, лютеранские духовные песни. Его сборник чешско-словацких песен неоднократно переиздавался.

⁷⁸ Мария Терезия (1717–1780), австрийская эрцгерцогиня, чешская и венгерская королева (с 1740). В своей политике покровительствовала Словакии.

⁷⁹ Иосиф II (1741–1790), австрийский эрцгерцог, соправитель матери Марии Терезии (1765–1780), император «Священной Римской империи» (с 1765), чешский и венгерский король (с 1780). Проводил реформы в духе «просвещенного абсолютизма».

⁸⁰ Бернолак Антон (1762–1813), словацкий языковед, культурный деятель. Кодификатор западнословацкого литературного языка.

⁸¹ Фандлы Юрай (1750–1811), словацкий писатель, просветитель, сподвижник А. Бернолака. Основатель Словацкого ученого товарищества. Проповедник идей Просвещения.

⁸² Коллар Ян (1793–1852), словацкий поэт, ученый, деятель словацкого и чешского Возрождения. Протестантский проповедник. Глашатай идей славянской взаимности.

⁸³ Неточность М.Т. Каченовского. В 1831 г. в «Телескопе» (Ч. 3. №11) была напечатан перевод статьи Д. Бауринга «Национальное направление богемской словесности», где говорилось о новом издании поэмы «Дочь Славы» Я. Коллара. В «Московском наблюдателе» за 1835 год (Ч. IV. Кн. 13–16) помещена рецензия О.М. Бодянского на издание сборника словацких песен Я. Коллара.

⁸⁴ Добровский Йозеф (1753–1829), аббат, чешский «будитель», филолог. Один из зачинателей славяноведения как науки.

⁸⁵ *Dobrovský J. Über die Literatur der Slowaken // Slovanka. Prag, 1815. D.2. S.177–187.*

Лекции М.Т. Каченовского по истории южно-славянских народов в Московском университете в 1838 году

Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842) вошел в историю отечественной науки как писатель, литературный критик, редактор журнала «Вестник Европы» (1805–1830), исследователь истории России, глава так называемой «скептической школы» в русской историографии. Интерес к славистике также играл немаловажную роль в его научной деятельности. Он был в числе первых в России популяризаторов сведений о славянах, самостоятельно исследовал некоторые проблемы древней истории славян и взаимоотношения церковно-славянского языка с другими славянскими языками¹. Не случайно поэтому, что именно ему была предложена профессура на кафедре истории и литературы славянских наречий, открытой в Московском университете по новому университетскому уставу 1835 г.² Чтение лекций по славистике Каченовский начал, как удалось установить Г.К. Венедиктову, с 1836/1837 академического года, начавшегося в августе 1836 г.³, и продолжал до самой своей смерти 19 апреля (1 мая) 1842 г. 24 сентября того же года на кафедру вступил вернувшийся из длительной командировки по славянским землям и получивший специальную славистическую подготовку магистр Московского университета О.М. Бодянский. Программы лекционных курсов М.Т. Каченовского были подобно рассмотрены в статье Г.К. Венедиктова, приведшего также характерные высказывания и противоречивые оценки этих лекций слушателями. О тексте лекций в статье было сделано следующее заключение: «Конспект лекций Каченовского по “Истории и литературе славянских наречий” неизвестен, как неизвестно и то, был ли он вообще. Не сохранились и студенческие записи этих лекций (во всяком случае, они тоже неизвестны)⁴».

Дальнейшие разыскания в этой области показали, что такие конспекты существуют. Г.В. Макарова нашла в 1973 г. тетрадь с записями лекций М.Т. Каченовского 1828 г. (хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде А.Ф. Гамбургера), озаглавленную «О народах, в России обитающих»⁵. По-видимому, это была часть его курса по кафедре русской истории и статистики. В ней оказались сведения о зарубежных славянах, их историческом развитии (особенно о поляках, сербах и болгарях).

Как уже указывалось, в 1984 г. нам посчастливилось обнару-

жить в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека в С.-Петербурге) конспект лекций М.Т. Каченовского 1838 г.⁶, сделанный тогдашним студентом Московского университета, впоследствии известным литератором и деятелем культуры И.Е. Бецким (1817–1891)⁷. Лекции переписаны Бецким набело, переплетены и сейчас представляют собой толстую книгу довольно большого формата. В конце книги вплетены черновые записи нескольких лекций и вопросы к экзамену по всему курсу. Пагинация отсутствует.

Лекции Каченовского касались истории всех славянских народов и главным образом истории их языков и литератур, причем даже таких малоизвестных в то время народов, как лужицкие сербы и словаки. В данной статье речь пойдет только о той части курса, где излагалась история южнославянских народов.

Курс Каченовского представляет большой интерес для истории отечественной славистики. Он дает наглядное представление об уровне знаний в России о зарубежных славянах в конце 30-х годов XIX в. и, следовательно, в определенной степени об уровне зрелости отечественной славистики, что являлось в свое время предметом дискуссии⁸. Кроме того, анализ лекций позволяет внести некоторые уточнения в суждения, встречающиеся по этому поводу в литературе.

Рассмотрение лекций по истории южнославянских народов (т.е. сербов, хорватов, словенцев и болгар) тем более необходимо, что в программах и отчетах Каченовского в Московском университете упоминание об этом аспекте его лекций отсутствует, а говорится преимущественно об истории чешской и польской литературы⁹. Из содержания программ и отчетов можно сделать вывод, что эти лекции были составлены преимущественно на основании сочинений известного чешского слависта Й. Добровского¹⁰. В то же время Ф.И. Буслаев, слушавший курс в 1838 г., вспоминал только о книге П.И. Шафарика «История славянского языка и литературы по всем наречиям», изданной на немецком языке в Будине (Офене) в 1826 г.¹¹ Анализ южнославянской части курса Каченовского подтверждает точность воспоминаний Буслаева, которую оспаривал в своей статье Г.К. Венедиктов¹².

Разбираемая нами часть курса Каченовского именуется «О сербском наречии» (лекция 37. Л. 143–146). Она представляла собой обзор истории южнославянских народов, т.е. в представлении М.Т. Каченовского: сербов, боснийцев, герцеговинцев, черногорцев, части далматинцев и болгар, предвещающий изложение истории языка и литературы этих народов. Как нам удалось установить, она была основана, главным образом, на §20 отдела III

указанной книги Шафарика, именуемого «Историко-этнографические вводные сведения». Весь отдел был посвящен истории языка и литературы «славяносербов греческого исповедания», которым, по понятиям науки того времени, относили не только югославян, но и болгар. В книге Шафарика были даны также обзоры истории «славяносербов католиков» (далматинцев, босняков, славонцев и хорватов), а также словенцев (виндов). К сожалению, эта часть курса в записях Бецкого не акцентирована. Некоторые сведения об истории сербов и болгар содержались и в другой части курса (Л. 55–61 об.).

Лекции, как мы увидим далее, представляют собой вольное, очень сжатое, но последовательное изложение содержания книги Шафарика, дополненное в некоторых случаях собственным комментарием Каченовского.

Обзор истории южнославянских народов М.Т. Каченовский вслед за Шафариком (Л. 1432–145) начал с истории сербского народа. Ссылаясь на данные 32-й главы сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей», он сообщал слушателям о предполагаемой прародине сербов: «Сербы жили за Турциею, т.е. за Венгрию, около Карпатских гор, в соседстве с белохрбатами. И страну их называют Белою Сербиею» (Л. 133). В отличие от Шафарика он не отвергает гипотезу Я.Б. Ворбса об их родстве с лужицкими сербами. В современной науке этот вопрос так и остался спорным¹³. Как и Шафарик, Каченовский считает причиной переселения сербов за Дунай натиск аваров и части «болгар, отделившихся от своих собратий». Они поселились в Фессалии и Македонии в VII в. при императоре Ираклии, где и «до ныне остался город Серибица», после чего «продвинулись к Дунаю в Верхнюю Мессию» (Мезию. – *М.Д.*), «где пребывают до сих пор» (Л. 143 об.). Эти сведения в основном не противоречат данным современной науки¹⁴. Любопытно, что они приведены и в курсе Каченовского 1828 г.¹⁵ Об общественном строе сербов он сообщает только то, что они управлялись жупанами и «верно платили дань грекам, кои позволили им поселиться в своей земле. От греков они приняли христианскую веру». В общем виде это справедливо и с точки зрения современной науки.

Дальнейшие события сербской истории Каченовский излагает очень кратко, но в соответствии с текстом Шафарика, который гласит, что сербы были в «беспрестанных сношениях с греками, болгарами и венграми и это имело влияние и на судьбу сербского народа, который попеременно был в зависимости то от венгров, то от греков». Обретение независимости сербами Каченовский справедливо относит к концу XII в., – времени образования державы Стефана Немани, которого он неточно называет «первым их кра-

лем, или деспотом» (Л. 143 об.). Вопрос о начале сербской государственности, ставший предметом дискуссии в историографии¹⁶, Каченовский, как и Шафарик, еще не ставил. С воцарением династии Неманичей Каченовский совершенно верно связывает наиболее важные внешнеполитические успехи Сербского государства, укрепление его внутреннего могущества. Трагические события в истории Сербии конца XIV в. – потерю ею государственной независимости – Каченовский оставляет без комментария: «Но Лазарь в конце XIV столетия сделался жертвою Амурата (Мурада I. – М.Д.), претерпел поражение на Косовом поле. После Лазаря владетели сербские находились под покровительством Турции (замечательны князья Бранковичи) и, наконец, является в Сербии турецкий паша» (Л. 144).

Отсутствие комментария – возможный пробел в конспекте Бецкого, так как в других местах курса Каченовский оценивал покорение Турцией южнославянских народов как национальную трагедию.

Далее Каченовский сообщает, что в результате войн турок с венграми часть территории Сербии «досталась Австрии», и приводит данные о наиболее значительных переселениях «утесненных турками», в Венгрию (1431), в Штирию (1690), снова в Венгрию (1718) (Л. 144, 144 об.). В дополнение к Шафарику он говорит и о переселении сербов из Венгрии «в нашу новую Россию» (при Елизавете Петровне), где они «совершенно обрусели». В курсе 1828 г. Каченовский рассказывал об этом событии более подробно: «В 1754 году перешло их множество в Россию, им дали земли в Екатеринославской губернии, которая после того несколько времени называлась Новою Сербиею. Они много терпели от запорожцев. Кроме того, есть сербские и болгарские поселения в Бессарабии и в Херсонской губернии»¹⁶. Несомненной заслугой Каченовского является то, что эти сведения, почерпнутые из местных источников (журналов и газет), он счел необходимым сообщить своим слушателям, чтобы показать, что родственные русским славянские народы проживают не только в дальних странах, но и в самой России.

Примечательно в курсе и краткое упоминание о тогдашнем положении Сербии. Только в начале XIX столетия «сербы сделали покушение восстановить прежнюю независимость. Георгий Черный сделался первым господарем сербским, однако под покровительством Турции, а потом управлял сербами наследник Георгия Милош» (Л. 144 об.). Несмотря на ряд фактических неточностей в последнем суждении (Карагеоргий именовался «верховным вождем сербского народа» и в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. был фактически независим от Порты,

кроме того, Милош Обренович не был его наследником, а заказчиком его убийства), оно заслуживает внимания прежде всего потому, что Шафарик в своей книге имени Карагеоргия вообще не упоминает, учитывая, видимо, политическую ситуацию середины 20-х гг. XIX в., когда после бегства из страны в 1813 г. и убийства Карагеоргия в 1817 г., при возвращении в Сербию, верховная власть сосредоточилась в руках у его политического противника, по мнению российских дипломатов, проавстрийски настроенного Милоша Обреновича. Каченовский же, напротив, питал симпатию к Карагеоргию, характерную для русских официальных кругов того времени.

Кроме того, эта личность была ему хорошо известна, он неоднократно сообщал о нем читателям своего «Вестника Европы»¹⁷. Далее, следуя Шафарику, Каченовский очень кратко повествует об истории Боснии. Он справедливо производит название этой страны от реки Босны и указывает, что южная часть Боснии получила название Герцеговина. Он связывает историю Боснии с исторической судьбой Сербии: «Босния населена также сербами, отделилась от Сербии в XII в. и сделалась отдельным владением под влиянием венгров и имела своих правителей. Судьба ее едина с судьбою Сербии, ибо та и др[угая] завоевана турками» (Л. 144 об.)¹⁸. Здесь Каченовский желаемое выдавал за действительное. На самом деле положение Боснии в дальнейшем существенно отличалось от положения Сербии в рамках Османской империи¹⁹.

С особой симпатией, характерной для русской периодики 20–30-х годов XIX в., Каченовский говорит о черногорцах: «Черная гора населена сербами, до сих пор сохраняет свою независимость, будучи защищена своим гористым положением, жителей содержит 60 тысяч, из коих 15 000 способны носить оружие» (Л. 145 об.). О правлении и реформах самозванца Степана Малого, выдававшего себя за российского императора Петра III, Каченовский по понятным причинам не сообщает, хотя об этом сказано у Шафарика, но зато говорит о многовековой борьбе черногорцев с турками, и особенно о большой угрозе независимости Черногории от воинственного Али-паши из Янины. Как и Шафарик, Каченовский указывает, что управляет Черногорией митрополит, «называемый там владыка». Далее, в дополнение к Шафарику, Каченовский прибавляет: «Последний митрополит Петр Петрович принимал деятельное участие в нашей войне с французами, а нынешний владыка получил архиерейский сан в Петербурге» (Л. 145). Примечательно, что эти же сведения, почерпнутые из русской периодики, Каченовский сообщал студентам уже в курсе 1828 г.²⁰, считая необходимым выделить аспект русско-

черногорских связей, отсутствующий в книге Шафарика.

В лекции Каченовского приводятся некоторые сведения и об истории болгар – предмете малоизвестном тогда в России и очень скудно освещенном Шафариком. Не считая необходимым излагать многочисленные гипотезы о происхождении протоболгар, приводимые в другой части курса²¹, он сообщает самое существенное: «болгары собственно не славяне, это ветвь болгар камских, отделившаяся и перешедшая Дунай в VII веке» (Л. 145), что в целом соответствует современным представлениям²². О характере ассимиляции славянских протоболгарских племен сказано в курсе очень сжато: «Болгары за Дунаем встречают 7 родов славянских, покоряют их, мешаются с ними и теряют свой характер» (Л. 145 об.). Шафарик вообще обходит этот вопрос. В самых общих чертах Каченовский характеризует далее основные события болгарской истории: постоянные войны с Византией, принятие в IX в. «Борисом или Богорисом» христианской веры от греков. О Первом Болгарском царстве он сообщает только, что «в IX веке болгары опасны для греков, отнимают у них многие места и распространяют славу своего имени» (145 об.). Далее он говорит о покорении Болгарии Византией в начале XI в. императором Василием II и превращении ее в провинцию империи. «К концу же XII столетия опять возникает Болгария с Валахиєю». О причинах возникновения Второго Болгарского царства, восстании Петра и Асеня 1185–1187 гг. Каченовский никаких подробностей не сообщает. Романтическую концепцию Шафарика, гласящую, что соединение валахов с болгарами придало новые жизненные силы Болгарскому государству, он не принимал, сообщая только, что «влахи, потомки переселенцев трояновых, удержавшие и теперь еще много слов в своем языке латинских, соединились с болгарами, уже ославянившимися, и составили Болгаро-валашское государство» (Л. 145 об.). Вопрос об этническом составе восставших и Второго Болгарского царства породил жестокие споры в последующей историографии. Представление Каченовского о его смешанном характере в общих чертах соответствует позиции российских болгаристов²³.

Далее Каченовский говорит о покорении Болгарии «усилившимися» турками. В отличие от Шафарика, утверждавшего, что с 1396 г., с поражения при Никополе, Болгария «исчезла из истории», Каченовский считал, что болгары, жившие «по сю сторону Дуная, сохранили независимость и имели своих государей» (145 об.). В историографии 1396 г. признан годом потери независимости Болгарского государства.

Относительно Боснии Каченовский акцентирует внимание на «магометанском» вероисповедании ее населения, сохранившем,

однако, в употреблении славянский язык (Л. 146).

Об истории Далмации Каченовский сообщает очень краткие, но важные сведения: «К сербам принадлежит и Рагуза (Дубровник. – М.Д.), бывшая под покровительством Турции; она находится близ Италии, сохранила влияние итальянского Просвещения и некогда имела свой блестящий период. Бокка ди Каттаро (Котор. – М.Д.) тоже» (Л. 146).

После краткого обзора истории ряда южнославянских народов Каченовский указал слушателям источники и литературу предмета, которые у Шафарика приводятся в подстрочных примечаниях: «Источники вообще для сербов писатели византийские». В тексте лекции названо имя Константина Багрянородного и римского писателя Плиния. В конспекте И.Е. Бецкого указаны имена наиболее авторитетных в те годы авторов книг по истории южнославянских народов: сербского митрополита, известного историка Й. Раича, немецких историков И.Х. Энгеля и Гебхарди. В книге П.Й. Шафарика приведены названия книг этих ученых, которые, вероятно, назывались Каченовским с кафедры и имелись в полном тексте лекции. Укажем некоторые из них в русском переводе: Й. Раич «История славянских народов, особенно болгар, хорватов и сербов» (Вена, 1794–1795); И.Х. Энгель «История Сербии и Боснии» (Галле, 1801); «История старой Паннонии и Болгарии» (Галле, 1797); Гебхарди «Всеобщая история» (Галле, 1785. Т. 50 и 51); «История всех вендско-славянских государств» (Галле, 1790–1797. Т. 1–4). Примечательно, что Каченовский упоминал здесь и о «Грамматике нынешнего болгарского наречия» Ю.И. Венелина, которая в то время не была напечатана. С рукописью этой работы он, вероятно, познакомился еще в 1834 г., когда автор представил ее на рецензию в Московский университет²⁴. «Теперь болгары, – говорил Каченовский, – не могут похвастаться просвещением; Венелин написал Грамматику болгарского языка не из литературы, а из языка употребительного» (Л. 146).

Таковы в общих чертах сведения, сообщенные Каченовским своим слушателям в 1838 г., об истории православных южнославянских народов. Как можно оценить их с точки зрения предыдущего и последующего развития славистики в России? Прежде всего, это был первый систематический курс о славянах в стенах университета на кафедре славистики (учитывая первые опыты М.Г. Гаврилова в Московском университете в 1811 г. и сведения о славянах, сообщаемые в курсах М.П. Погодина, ранее в других курсах М.Т. Каченовского). Несмотря на сжатость изложения (не следует забывать, что речь идет о конспекте), здесь сообщалось в обобщенном виде о наиболее значительных исторических собы-

тиях: о времени освоения южными славянами территории Балканского полуострова, об образовании государств у сербов, боснийцев, болгар, об их внешней политике, взаимоотношениях между собой, с Византией, Болгарией, Турцией, наконец, о трагическом событии для истории всех южных славян – турецком завоевании в конце XIV в. Почти никаких сведений о классовом устройстве славянских государств, об их внутреннем социально-экономическом развитии в курсе Каченовского нет, впрочем, их не было и у Шафарика – и во всей тогдашней литературе.

Эти проблемы стали предметом специального изучения лишь со второй половины XIX в. Следует отметить также, что как представитель критического направления в русской историографии Каченовский избегал в этой части курса выдвижения каких-либо гипотез и отбирал у Шафарика наиболее проверенные исторические факты. Важно, что в общих чертах краткие сведения о южных славянах в трактовке Каченовского соответствуют современным научным представлениям.

Как оценить тот факт, что данный курс Каченовского основывался на литературе, главным образом, на книге Шафарика, а не был плодом собственных научных изысканий? По нашему мнению, Каченовского вполне оправдывают следующие обстоятельства. Ведь известная компилятивность, когда лекции базируются в основном на литературе, являлись обычной практикой составления общих курсов по славяноведению в XIX в., а также и в настоящее время. Это обусловлено задачей подобных курсов: преподать студентам наиболее проверенные, апробированные в науке исторические факты и выводы. И с этой задачей Каченовский, на наш взгляд, справился. Книга П.И. Шафарика, по крайней мере, до середины XIX в., оставалась единственным и достаточно надежным пособием, сводом сведений по истории, этнографии, истории языков и литератур всех славянских народов. Её использовали и вернувшиеся из заграничной командировки в славянские земли молодые университетские слависты (О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.И. Прейс, В.И. Григорович). Несмотря на ряд недостатков, отмеченных в рецензиях и последующей литературе, материал в ней был изложен достаточно критически, на уровне науки своего времени, что усиливалось критической интерпретацией самого Каченовского. Думается, что такой подход к изложению материалов по истории славянских народов в стенах московского и других университетов, начатый М.Т. Каченовским и продолженный профессионально подготовленными славистами О.М. Бодянским, П.И. Прейсом, И.И. Срезневским, а потом и В.И. Григоровичем, также учившимися у Шафарика, в немалой степени способствовал неприятию моло-

дым поколением русских ученых фантастических и псевдопатриотических гипотез о роли славян в истории, которые появлялись в те годы в русской печати, особенно на страницах реакционного журнала «Маяк», что могло бы существенно задержать развитие отечественной славистики.

Следует учитывать также то обстоятельство, что Каченовский при создании лекций по истории, в частности, южных славян не мог еще опираться на отечественную литературу. Специальных работ в то время еще не было создано (за исключением книги Ю.И. Венелина «Древние и нынешние болгары» (М., 1829) и других работ, которые требовали критического восприятия). Статьи об истории, литературе и современном положении южнославянских народов были немногочисленны, разбросаны по разным периодическим изданиям²⁵, не систематизированы и потому не могли служить основой для создания курса, хотя, как мы указывали, Каченовский использовал в отдельных случаях материал русских газет и журналов, существенно дополняя Шафарика, когда речь шла о связях России с южнославянскими народами. Следует отметить также, что М.Т. Каченовский проявил определенную самостоятельность в отборе фактического материала и его интерпретации по сравнению с книгой Шафарика, стремясь отсеять все то, что было связано у того с его общей романтической концепцией роли славян во всемирной истории. При общем сочувствии к угнетенным славянским народам Каченовский как сторонник просветительского критицизма этой концепции не принимал. Таким образом, мы считаем возможным в целом положительно оценить лекции Каченовского по истории южнославянских народов в контексте науки своего времени²⁶ и считать их заметной вехой в истории развития университетского славяноведения в России.

¹ Макарова Г.В. М.Т. Каченовский // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 180.

² М.Т. Каченовский был уволен на пенсию 12 июня 1835 г., но ему была предоставлена возможность продолжать преподавательскую деятельность и участвовать в конкурсе на занятие новой кафедры «истории и литературы славянских наречий». См.: Российский гос. исторический архив в С.-Петербурге (РГИА). Ф. 733. Оп. 30. Д. 192. Л. 11.

³ Венедиктов Г.К. К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // Советское славяноведение. М., 1983. №1. С. 92.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Макарова Г.В. М.Т. Каченовский и становление славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 85–87.

⁶ *Бецкий И.Е.* История славянских языков и литератур. Лекции профессора М.Т. Каченовского в Московском университете 1838 г. См.: ОР и РК РНБ. Ф. 71. №2. Далее ссылки на эту рукопись даются в тексте в круглых скобках с указанием листов архивного дела.

⁷ *Досталь М.Ю.* Некоторые итоги изучения славяноведческой и балканистической историографии // Советское славяноведение. М., 1985. №2. С. 90.

⁸ *Венедиктов Г.К.* Указ. соч. С. 96.

⁹ Там же. С. 94, 96.

¹⁰ *Šafárik P.J.* Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nářečí. Bratislava, 1963.

¹¹ *Венедиктов Г.К.* Указ. соч. С. 96.

¹² См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 181, 183, 187.

¹³ Раннефеодальные государства на Балканах XI–XII вв. М., 1985. С. 189.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 66. Карг. 3117. Л. 7 об.

¹⁵ Раннефеодальные государства... С. 189–190.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 66. Карг. 3117. Л. 16 об.–17.

¹⁷ Г.В. Макарова указывает, например, на статью «О Георгии Петровиче Черном, предводителе сербов», напечатанную в «Вестнике Европы» (1808. №2). См.: *Макарова Г.М.* М.Т. Каченовский и становление славяноведения... С. 72.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 66. Карг. 3117. Л. 3 об.

¹⁹ История южных и западных славян (Курс лекций). М., 1979. С. 51–52. История южных и западных славян. Т.1. Средние века и новое время. М., 1998. С. 129–131.

²⁰ Развитие этнического самосознания... С. 49–82.

²¹ М.Т. Каченовский в другой части курса привел мнения разных ученых о происхождении болгар. Так, он считал, что А. Шлёцер и И.Х. Энгель отстаивали точку зрения о «турецко-татарском», Й. Тунманн – о «венгеро-финском», Й. Раич – «чисто славянском» их происхождении (Л. 56 об.). (Заметим, что Й. Тунманн скорее придерживался первой точки зрения, а Шафарик – второй, точнее «утро-гуннской»).

²² *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 431–433, 436.

²³ *Šafárik P.J.* Dejiny slovanského jazyka ...S. 211.

²⁴ *Венедиктов Г.К.* Первые отзывы о «Грамматике нынешнего болгарского наречия» Ю.И. Венелина // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 176–191.

²⁵ Подробнее см.: *Никулина М.В.* Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (На материалах русских периодических изданий) // Там же. С. 136–159.

²⁶ Мы уже указывали в начале статьи, что лекции М.Т. Каченовского неоднозначно воспринимались его слушателями. Ф.И. Буслаев вспоминал: «Всякий раз Каченовский приносил с собой Шафариков учебник, разлагал его на кафедре и старчески дряблым голосом, с передышкою, подстрочно переводил немец-

кую речь на русские слова. Монотонность такого чтения с неизбежными паузами, когда переводилось экспромтом, наводила на нас томительную скуку, и тем больше потому, что нам самим хорошо была знакома эта немецкая книга; но мы терпели по необходимости и боялись отсутствовать на лекции. Каченовский и без того всегда отличался строгостью, а в то время, будучи ректором, требовал от нас неукоснительного исполнения своих обязанностей...» (*Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М., 1897. С. 114–115*). Вероятно, Буслаев зафиксировал в своей памяти восприятие самых первых чтений М.Т. Каченовского. Проанализированный нами конспект лекций Каченовского не дает оснований для заключения, что это всегда был только простой перевод книги Шафарика без собственных размышлений и заключений. Но, нельзя не признать, что скучная, усыпительная манера чтения престарелого профессора подчас усиливала равнодушие студентов к новому предмету. Однако специалист по славяноведению, каковым был И.И. Срезневский, оценивал их совершенно по-другому. В письме к матери от 3 октября 1839 г. он писал: «Каченовский читал сухо, несвязно, но дельно... Добрый, умный старик и истинный ученый» (*Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 13.*). Таким образом, объективно заинтересованные слушатели могли многое почерпнуть из славистических лекций М.Т. Каченовского.

Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.)

30 сентября 1842 г. в книжной лавке Московского университета происходила распродажа очередного номера журнала «Москвитянин», где, между прочим, сообщалось: «После пятилетнего пребывания в странах словенских возвратился, наконец, наш магистр О.М. Бодянский, изучивший 12 живых наречий и 2 мертвых. Таким образом, кафедра славянских наречий и литератур, наконец, открыта и утверждена навсегда в Московском университете. Какое новое славное поприще открывается для русского юношества! Как должна процвести наша отечественная филология, которая будет иметь теперь прочный всесловенский (всеславянский. – М.Д.) корень! Г. Бодянский собрал славянский библиотеку в 5000 томов, которая скоро прибудет сюда»¹. Это было единственное в русской прессе упоминание о возвращении в Москву магистра О.М. Бодянского и начале работы кафедры «истории и литературы славянских наречий».

Как известно, Осип Максимович Бодянский (1808–1877), родом с Украины, сын сельского священника, окончил Полтавскую духовную семинарию (1831) и отделение словесных наук философского факультета Московского университета (1834). Испытал влияние идей «скептической школы» М.Т. Каченовского. Увлекался украинским фольклором и народной литературой, начал серьезное изучение славянских языков, этнографии и истории. В 1837 г. он был отправлен за границу, чтобы получить профессиональную подготовку для занятия кафедры славистики в Московском университете. В его отсутствие кафедру возглавлял в 1836–1842 гг. профессор М.Т. Каченовский². О.М. Бодянский с честью справился с поставленной перед ним задачей. Он посетил Чехию, Словакию, Сербию, Славонию, Хорватию и другие славянские земли Австрийской монархии и Пруссии, собрав массу разнообразного материала по славянской филологии, фольклору, истории. Получив богатые и обширные знания по славистике у ведущих немецких и славянских ученых, О.М. Бодянский смог уже через непродолжительное время начать читать свои первые лекции по славистике. 27 октября 1842 г. он писал известному пражскому слависту П.Й. Шафарику о начале своих чтений. Письмо это, к сожалению, до нас не дошло, некоторые подробности о его содержании П.Й. Шафарик сообщил историку М.П. Погодину в письме от 8–15 декабря 1842 г. Шафарик пишет,

что Бодянский, сообщая «о начале своего учебного курса», говорит «о таких вещах, как, например, славянство...», и подобных «модных мечтаниях и фантазиях», которые, с точки зрения Шафарика, являются «сумасбродными» и о которых он «ничего не знает, и знать не хочет»³. Таким образом, по свидетельству Шафарика, Бодянский касался в своей первой лекции не только научных, но и общественно-политических вопросов, связанных с положением современного славянства. Отсюда видно, что вступительная лекция Бодянского представляет большой историко-научный интерес для выяснения позиции ученого в славянском вопросе, его общественно-политических взглядов и мировоззрения, а ее анализ мог бы определить те научные задачи, которые Бодянский ставил, начиная преподавание славистики в Московском университете. Все это имеет важное значение для изучения начального этапа становления университетского славяноведения в России. Напомним, что О.М. Бодянский занимал кафедру славистики в Московском университете с перерывом в 1848–1849 гг. до 1868 г., воспитав не одно поколение известных российских славистов, одновременно он был секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактором его «Чтений», где много места уделялось славянской тематике, избран членом-корреспондентом имп. Академии наук (1854). Главным направлением его научного творчества было изучение истории славянской письменности и издание ее памятников. О.М. Бодянский состоял в переписке со многими выдающимися деятелями славянского национального Возрождения и внес существенный вклад не только в развитие отечественной славистики, но и в укрепление ее связей с зарубежным славянским миром⁴.

В 1982 г. в Отделе рукописей Института литературы АН УССР им. Т.Г. Шевченко (ныне Национальной академии наук Украины) я познакомилась с рукописью О.М. Бодянского, названной архивистами по первым словам ее текста «О судьбе народов...» (Ф. 99. Д. 24), которая еще не привлекала внимания исследователей. Судя по содержанию, это была обзорная лекция, предвещающая изложение курса славистики.

Существенный вопрос составляет датировка рукописи. В историографии до сих пор не было точного указания о дате вступительной лекции О.М. Бодянского в Московском университете. Предположительно указывались октябрь или сентябрь⁵, ибо, действительно, эта лекция могла быть прочитана в промежутке между 9 сентября (время возвращения ученого в Москву)⁶ и 21 октября 1842 г. (дата письма Бодянского, не сохраненного Шафариком). В конце рукописи рукой Бодянского чернилами написано «24/IX 1843 года, четверг, Москва», но цифра 3 жирно

исправлена карандашом на 2. Нет сомнения, что это исправление соответствует действительности. Во-первых, лекция содержит свежие впечатления от путешествия Бодянского, о чем прямо сказано в конце рукописи. Во-вторых, все приводимые ссылки на литературу не выходят за рамки середины 1842 г. В-третьих, неточности в именах, географических названиях, исторических реалиях и пр. свидетельствуют о том, что лекция писалась по памяти, без обращения к литературе, в то время, как известно, что библиотека Бодянского, собранная в путешествии и позднее подаренная Московскому университету, прибыла в Москву намного позже ее хозяина. Приведенная в начале статьи заметка из «Москвитянина» также косвенно свидетельствует о начале чтений до 30 сентября 1842 г. Наконец, весьма существенно, что четверг, 24 сентября, приходился именно на 1842, а не на 1843 год. Таким образом, не подлежит сомнению, что первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете была прочитана именно 24 сентября 1842 г.⁷

Чем же так примечательна вступительная лекция О.М. Бодянского и чего в ее содержании опасался П.И. Шафарик? Путешествие ученого по славянским землям происходило в период, когда национально-культурная программа первоначального этапа национальных движений славянских народов была во многом выполнена, национальное самосознание передовых слоев общества (часто еще облеченное в форму всеславянского патриотизма) в целом сформировано; в период постепенного перехода к осознанию политических задач национального движения, в конечном итоге направленного на создание самостоятельных национальных государств. Общественная мысль многих славянских народов тогда пыталась найти пути решения национальной проблемы. Примечательно, что уже в 40-е годы она уловила две тенденции в его развитии: одну – к национальному обособлению, максимальному проявлению «самобытности», другую – к сближению народов, интенсивному обмену культурными ценностями, формированию единой человеческой цивилизации. Выразителями первой тенденции были многочисленные «славянские патриоты», деятели национального Возрождения, а в России – славянофилы и отчасти приверженцы теории официальной народности; выразителями второй – славянские «космополиты» и русские западники.

О.М. Бодянский был, несомненно, знаком со взглядами представителей противоборствующих сторон по переписке и личному общению. На статью одного из так называемых космополитов – чешского философа Ф. Клацеля – он даже ссылается в лекции, взяв из нее цитату, соответствующую своим воззрениям. При этом он совершенно определенно заявил о себе как о стороннике тенденции

самобытного развития.

Как многие русские и западнославянские последователи И.Г. Гердера, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля и других немецких философов, он рассматривал народ (нацию), по канонам романтизма, как определенное нравственное лицо, обладающее собственным характером. Главными элементами, определяющими нацию, были, по представлениям Бодянского, язык, нравы, обычаи, религия, т. е. все то, что принадлежало к сфере национального самосознания и психического склада. Каждый народ был, по его мнению, носителем определенной идеи, предопределенной Провидением, выразить которую через наиболее полное развитие своей самобытности он мог, только достигнув периода возмужания и зрелости, внося тем самым свою лепту в сокровищницу мировой цивилизации. Славянское «племя», которое Бодянский рассматривал как единый народ, с его точки зрения, как раз вступало в период зрелости и было готово выполнить свою общечеловеческую миссию; народы же Западной Европы уже выполнили предназначения Провидения, одряхлели и состарились. В этом пункте рассуждений Бодянский сходил с М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым и славянофилами. Но в отличие от них, видевших в новой России апогей развития человеческой цивилизации, как, скажем, ранее Г. Гегель в современной ему Пруссии, в отличие от чешских публицистов, считавших историческим предназначением Чехии служить посредником в распространении западноевропейской цивилизации среди прочих славян⁸, Бодянский развил утопическую триаду Гегеля далее всего: «Новь в том, чтобы вполне ответственность великому назначению своему, быть посредниками между просвещенной Европой и темной Азией, усвоить по себе и потом передать этой последней ее достояние и, следовательно, отблагодарить ее за первичное образование, исходившее от нее к миру».

Примечательно и то, что Бодянский имел в виду не только Россию, но и славянство в целом. Конечно, все подобные философские рассуждения были насквозь идеалистичными, далекими от реальной политики, хотя они и отражали в абстрактном виде некоторые общественные тенденции, такие, как, например, насущная для России и славянских земель в условиях капитализации экономики необходимость освобождения от засилья иностранцев во многих областях жизни, формирования собственной национальной культуры. Поэтому борьба О.М. Бодянского вместе с публицистами «Москвитянина», славянофилами и славянскими «патриотами» за развитие национальной самобытности была, несомненно, прогрессивным явлением.

Лекция О.М. Бодянского проникнута идеей славянской куль-

турной и научной взаимности, имевшей в то время широкое распространение среди славянской интеллигенции и получившей разные общественно-политические интерпретации. Всячески открепиваясь от идей политического панславизма, которые приписывали славянам немецкие публицисты⁹, Бодянский не выдвинул, однако, никакой конкретной программы совместной культурной деятельности славян и остановился только на признании насущной необходимости единства и сплоченности славянства, максимального развития национальной самобытности славянского мира перед лицом Западной Европы.

Подобные достаточно безобидные идеи часто мелькали на страницах «Москвитянина», но и они казались опасными правящим кругам России. Достаточно сказать, что министром народного просвещения С.С. Уваровым после доноса попечителя московского учебного округа С.Г. Строганова на этот журнал летом 1842 г. был подготовлен специальный циркуляр для цензуры с предложением «положить некоторые ограничения изъяснениям в русских изданиях сочувствия и участия в делах славянских племен, к иноземным державам принадлежащих»¹⁰. В тот момент С.С. Уваров не посчитал необходимым дать ему ход¹¹. Лекция О.М. Бодянского свидетельствует о том, что он еще не вполне адаптировался к российским условиям и, не зная о сгущавшихся «тучах» над славистикой, излагал свои воззрения достаточно свободно. Тем не менее, отнюдь не случайно, что первые его чтения посещал московский генерал-губернатор Д.В. Голицын¹², которому было известно и о записке С.Г. Строганова. В дальнейшем Бодянский в лекциях никогда не выходил за рамки академической науки¹³ – его вступительная лекция оказалась, таким образом, явлением, единственным в своем роде.

Лекция О.М. Бодянского показывает его широкую эрудицию, знакомство с трудами западноевропейских и славянских ученых, свободное владение материалом по древней и современной истории славянских и других европейских народов, славянскому и индоевропейскому языкознанию, редкое знание Библии и пр.

Она содержит ряд любопытных этнографических наблюдений Бодянского, например, над словацкими, торговцами мелким товаром в Европе. Взгляды ученого на развитие славянских языков были типичными для романтического направления в филологии того времени, возглавляемого немецким языковедом Я. Гриммом. Их разделяли многие славянские филологи: П.Й. Шафарик, Й. Юнгман, В. Ганка, В. Караджич, Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, С.П. Шевырев и др. Таковы, например, рассуждения О.М. Бодянского о языке как о проявлении национального духа, как свидетельстве степени образованности народа и

пр. По представлениям многих филологов-романтиков, «чистота» языка, отсутствие в нем иноязычных влияний – вот одно из главных доказательств его самобытности. Сохранение такой «чистоты» и «девственности» языка приписывалось О.М. Бодянским и его коллегами славянским языкам в отличие от западноевропейских. Отдельные исторические факты, приводимые в лекции, также трактовались О.М. Бодянским с позиций романтизма.

Интерпретация ученым насущных задач общественного развития славянских народов свидетельствует о близости его позиции к направлению «Москвитянина», с редактором которого М.П. Погодиным в то время Бодянского связывали дружеские отношения.

В отличие от И.И. Срезневского, основной пафос вступительной лекции которого в Харьковском университете 16 октября 1842 г. был направлен на доказательство необходимости именно русским студентам и обществу изучать современное славянство¹⁴, Бодянский пытался доказать тот же тезис, исходя из идей научной и культурной славянской взаимности, не учитывая, однако, что они не имели в России в то время достаточного распространения. К сожалению, в лекции не было дано никакой программы дальнейших славистических чтений.

Тем не менее, объективно первая лекция О.М. Бодянского внесла свою лепту в становление славистики в Московском университете. Впервые в его стенах студенты получили возможность получить целостное представление о современном положении славянских народов, культурных задачах их национальных движений, взглянуть на историю и развитие языков славян глазами одного из сторонников славянской взаимности.

Рукопись вступительной лекции О.М. Бодянского в Московском университете представляет собой тетрадь большого формата в твердом переплете (все рукописи Бодянского были переплетены коллекционером А.А. Титовым) с 25 (23 по нумерации ученого) страницами текста, написанного чернилами с обеих сторон листов. Стиль несколько витиеватый, с использованием церковнославянизмов, славизмов, простонародных выражений. Почерк – размашистая скоропись, местами трудно читаемая. Ниже публикуется текст рукописи с некоторыми незначительными сокращениями, содержание которых объяснено в комментариях. Подчеркнутые Бодянским слова выделяются курсивом. Сокращенные слова восстанавливаются в квадратных скобках.

О.М. Бодянский. О судьбе народов

Судьба народов, кажется, во всем сходна с судьбой человека. Это повторение того же самого, только в большем размере. И потому, что можно сказать о человеке, его личной особенности как существе отдельно взятом, его жизни от колыбели до могилы со всеми ее разнообразными изменениями, то самое можно повторить и о целом народе без малейшего исключения. Да и возможно ли иначе, если последний только совокупность единиц разумно-словесных, целое, образовавшееся из *народу*, того, что народилось, как об этом говорит уже самое его название на многих языках. Каждый народ имеет *свое время* полного *проявления* себя в том виде, как он есть, создан со всем добрым и злым. Это время – когда исполнятся дни *возраста*, *дни лет*: пора жизни общеживотной, *прzybательной*, приготовления и искуса пройдет, и наступит пора деятельности жизненной, *самосознания* [...] ¹⁵. Эта пора независимости, сознания собственного достоинства, пора самобытного существования, разумеется, прилежно преследуемого вниманием друзей и недругов, жизни народа, пора его *народности*. А, где народ сознал себя, ведает о своей ценности, там нечего ему бояться за себя, что он сойдет с ристалища незамеченным, незаписанным в свиток бытий, в книгу живота [жизни. – *М. Д.*], потому что с этих-то пор, с началом настоящей жизни, становящейся достоянием истории, собственно начинается его законное право на внимание к себе других, с этих-то пор, наперерыв, большой и малый подмечают все его шаги, приемы, движения, действия и намерения.

Славяне, несмотря на всю свою многочисленность и старобытность в Европе (в чем не только не уступают ни одному европейскому племени, напротив, первыми превосходят каждого из них), никак не могли приковать к себе постоянного взора других до самого новейшего времени. Мы разумеем взора на себя как на *целое*, всех, взятых вместе, без дробления. Иначе, были поколения славянские, пользовавшиеся тут те, там другие, большим-меньшим вниманием к себе чуждых; но все это было частное, непостоянное, временное, к одному известному члену огромного тела славянского. Потому что славяне, подобно каждому народу, великому или малому, каждому человеку, пока не пришли к самосознанию себя как одного *целого*, не могли и пользоваться *одинаким* равным вниманием к себе, ко всем своим членам, признаваемым не чем-то отдельным, но существенной и не дробной частью одного общего состава, потому что до того каждая частица его почитала себя целым и знать не хотела о других. Оттого мы видим много славянских ветвей, показавшихся на поле дея-

ний с не меньшим шумом, блеском и славою, как и другие народы, невольно обращавших к себе взгляды современников¹⁶; но долго ли это продолжалось? Пока бушевала буря, до тех пор и смотрели на нее, некоторые даже, может статься, трепетали; утихла она – и все приходило в обычный порядок, снова шло знакомой колеей, занималось больше близким и важным для себя, по чему бы то ни было. Там же было одно только вынужденное состояние, внимание, вызванное неестественностью, странностью явления. Правда, говорили много и досыта о каком-нибудь царстве Самовом, Сватополковом¹⁷, о всех наших княжествах, королевствах и т. д., на берегах Балта, Понта и Адриатики, Лабы, Вислы, Дуная, Дравы и Моравы, Волтавы, Днепра, Волги и Москвы, но говорили не как о чем-либо *неделимом* при всем своем делении, как, например, о племени греческом, ромском и немецком, нет, но как о членах разметанных *membris disjectis*, важных только по своему временному появлению. Если какой народ, племя не доказали своего достоинства существенным своим весом, то ничего не помогут все возгласы об его частных внутренних и внешних качествах, телесном превосходстве или многочисленности богатств земель, им занимаемых, благозвучии и гармонии языка и т. д. [...] ¹⁸ Сколько написано рассуждений и книг о гармонии, мелодии, богатстве и т. п. наших славянских наречий, а всё [впустую], невзирая на справедливость самой вещи, и такое множество защитников и хвалителей её, может ли хоть одно из них похвастаться такой расположенностью к себе наших соседей и несоседей, как упомянутый язык (английский. – М. Д.) или французский и немецкий? Даже самый благозвучный из благозвучных язык Данте и Тасса давно уже не пользуется любовью нашей. Следовательно, надо значить что-нибудь, заключать в себе истинное достоинство, быть высоким к своему внутреннему и внешнему, и тогда существенная важность магнетически привлечет к себе толпы поклонников, почитателей, любителей и знатоков.

Наконец, пришла до нас *очередь* появиться, говоря мовами [языками – М. Д.] нашего народа, и на *нашей улице праздник*. Эта очередь, этот праздник есть следствие только внутреннего зрания славян, плод самосознания собственного своего достоинства, своей общеславянской значительности, единения и братского согласия и взаимности в деле народности, этом итоге всей доселешней жизни, чистейшим и вернейшим отражением ее, этом, так сказать, двойнике народа. Посмотрите, не минуло еще десятилетия с появления первых признаков этого общеславянского зрания¹⁹, общительности, единогодушного и единовременного, во всех концах неизмерного славянского мира, стремления к ближайше-

му знакомству поколения с поколением, и вы видите уже, как все заговорило в один голос, не о какой-либо одной славянской отрасли, народе, напротив, о целом племени, целом славянском 90-миллионном народе²⁰, о славянстве. *Вижу, бо есть время: суть время расти и спяти.*

Пора *спяния* к нам приблизилась и – вот всё спешит взглянуть на ниву, как наливаются колосья, видеть, раскинуть умом вперед, какова-то будет жатва, что-то сулит в будущем это поле. Все *заметили*, что *напоследок*, долго *не замечаемое*, вследствие естественного постепенного развития всего в Подсолнечной, славянское племя теперь вступает в свой возраст возмужалости, пришло сменить своих предшественников, что наступила пора *ему расти, им же малитися*. Уже одно то обстоятельство, что этот переход [...] в одно и то же время всюду подсмотрен, говорит о непринужденности и всеобщей необходимости.

Чего в несколько десятков столетий, ни гром оружия славянских богатырей – тут Жижики, Болеславов и Собеских, там Душанов и Диордиов²¹ а там Святославов и Петров, ни слава наших народных Боянов и Славоев²², – не в силах были произвести, то в несколько лет, когда пришло *свое время*, случилось без малейшего напряжения и обхватило пламенем своим всю толпу. Отсюда нет уголка в славянском мире, где бы *славянская народность* была неведома, не приводила в сотрясение, не электризовала собою и вызывала на всякого рода жертвования в ее защиту, сохранение и распространение. Говоря о такой повсеместности общеславянского направления между всеми поколениями нашего племени, мы разумеем тут представителей народа, его двигателей, лучшую и, так молвить, *народнейшую* часть его, в руке коей заключается его настоящее и будущее – духовенстве, мещанстве и ученых. Высшее общество не всегда составляет собой опору народности: оно везде и всегда больше гражданин мира и меняет свои взгляды, правила, мнения, желания и надежды также легко, как свое платье.

Но возможны ли какое-либо единение, общение, взаимность между различными членами многоветвистого народа без единения, взаимности и *языка* – точки соприкосновения для всех и каждого, огнища, в коем все разбросанные лучи снова сходятся и зажигаются одним общим огнем, с равной быстротой пробегающим по жилам их и воспламеняющим равной любовью к своему, родному. Язык есть самое искреннее нелицетворное отражение народа со всем его наличным имуществом, или, лучше, – это сам народ, олицетворяющийся в слове. Каков язык – таков и народ, и

* Слово не разборчиво.

наоборот [...] ** . Беден язык словами – беден и народ на понятия, стоит еще в колыбели своего рождения, что до того, что он уже несколько веков гуляет по белу свету: это жизнь растительная, общая со всеми прочими одушевленными и неодушевленными; напротив, богат язык – богат и народ жизнью духовной, умственной, разумно-словесной.

По большему или меньшему количеству коренных и производственных слов правильно заключают о большей или меньшей степени образования того или другого народа, больше или меньше работал он своей годовой в деле совершенствования, возвышения себя от существа животного к существу разумно-просветленному. А чем больше у него чужезычных слов, тем менее видно самобытности личной, непосредственной, тем такой язык не способнее по своей природе, своему составу и сущности быть орудием человеку к самообразованию [...] *** .

Тут язык служит самой лучшей вывеской просвещения народа, степени нравственной, духовной и деловой его высоты: по степени обработки языка в народной словесности неосшибочно можно судить и о степени образованности самого народа, об его любви к нему, попечении о сохранении и совершенствовании его или, другими словами, самого себя, так как языколюбие и народолюбие есть одно и то же, одно, непременно, предполагает другое. Еще мир не видел образования какого-либо народа по всем его состояниям без образования его языка помощью иностранного – так, чтобы все просвещение совершилось на этом последнем и народ, говоря своим родным языком, просветился таким образом.

Одно какое-либо сословие, обыкновенно высшее, возможно, но не более [может просветиться], хотя знакомство с чужими языками, богатыми своей жизненностью, необходимо для скорейшего и легчайшего образования себя, потому что просвещение составляет собой общее достояние всех народов с тою разницей, что всегда один народ, подобно человеку, больше или меньше помогал другому, младшему в его образовании, никогда не достигал при помощи только собственных сил и средств высшего просвещения, но вечно был выводим другим, опередившим его своей духовной жизнью. Естественно, начатки были на языке учителя и ученика, но потом, когда ученик прошел азбуку, познакомился со складом и ладом грамоты, вышел из учней, языка учителя уже мало для дальнейшего самообразования: тут требуется что-то другое, более гибкое и действительное, более по-

** Далес идет развитие той же мысли.

*** Далее развитие той же мысли.

слушное, эластичное и вместе с тем упругое, доступное, *близкое* нашей душе.

А что же может лучше выполнить эту задачу, как *не язык* наших праотцов, всосанный нами с молоком матери, наш первый, неразлучный и вернейший сверстник и товарищ, с которым мы всегда запросто и без обиняков, кого мы знаем, и он нас знает, знаем его, а он наши силы и средства, и главное – полная уверенность во всегдашней готовности ко взаимным услугам и помощи на пути к дальнейшему обоюдному самосовершенствованию. Оттого-то народы, стремившиеся неумоимо к высшему образованию, коим дело шло не о внешнем блеске и гладкости, но о настоящем высшем духовном просвещении, всегда и всюду, вышед из-под опекуинства, первым своим долгом почитали образованность, чистить и холить родной язык – условие дальнейших успехов в народном деле.

Но к самосознанию такой важности языка родного человек и народ не прежде приходят, как по вступлении в пору зрения своей жизни; до того же довольствуются безотчетной привязанностью к нему. Вот где, следовательно, причина, отчего в наше время славянские племена с таким желанием бросились на ближайшее, отчетливейшее знакомство с языками собратий своих, видя в нем решительно главную основу народной жизни, важнейший двигатель народного образования и направления, единственное средство *всеславянского* общения, без малейшего посягательства на государственные и вероисповедные отношения, оставляя эти в стороне, как вовсе не идущие к делу, и, однако же, нисколько не угрожаемые такой общительностью. Говорим так со слов и поступков лиц, призванных своим мнением и званием наблюдать за сохранением границ этих трех областей – *литературной, политической и религиозной*.

Народы и правительства убедились напоследок, что для образования государств мало *язычной* народности: есть что-то высшее, соединяющее самые иноязычные и иноплеменные поколения в стройное целое, что стремление народов к письменному книжному общению совершенно в природе вещей, необходимо для их собственного блага уживаться со всяким образом правления, что идти противу него вовсе несогласно со здравым смыслом, значит, посягать на жизнь миллионов, лишая их самого первого, ближайшего, непосредственного орудия к самообразованию, данного каждому его творцом. Дни насилий в царстве языков вовсе теперь не согласны с духом времени: предоставьте каждому быть тем, чем Бог его создал, чем он может сделаться при помощи средств политики или от самой природы, пускай язык, а с ним и его народность следуют ходу своего развития; каждому

свое право.

«Каждый человек и народ, пришедшие к нравственному самопознанию себя и своего предопределения, обязываются любить и защищать свое больше жизни, уважать и не угнетать чужого: это священный долг каждого», – сказал недавно в своем новейшем сочинении глава современного славянского любословия [...] ²³. «Народ же, сам отказывающийся добровольно от своего языка в пользу другого, особенно, совершенно ему чужого, без всяких других побуждений, есть явление небывалое, несбыточное; а если бы и повторилось где такое событие, то отрекающийся своего языка был бы самоубийцей и потому должен дать ответ в том Богу, коего таким образом нарушил обычные и неизменные законы». С другой стороны, «кто судит и рядит с намерением или без намерения о мирогражданстве, космополит[изме] в языке, тот, – продолжает Шафарик, – кто бы он ни был, лжет или же еще нечто хуже того» [...] ²⁴.

Привязанность славян к своему языку не меньше изумительна. Известно, ни один европейский народ, ни в старину, ни теперь, не может соперничать с нами в многочисленности и огромности пространства наших жилищ и сельбищ. От пределов Северо-Америк[анских] Соедин[енных] Общин до берегов Лабы в Поморье, границ Баварии в Шумаве, или Чешского леса, и волн Ядранского (Адриатического), от Белого и Ледовитого морей до Черного и Хвальнского ²⁵, от устья Моравы до устья Сардара славяне на всем этом страшном пространстве – шириной в 19, а длинной 27 тысяч верст, занимая самые разнообразные земли, в климате [все]возможного рода и всех причуд погоды, под властью столь противоположных от корня до ветвей правлений, законов и постановлений, принадлежа ко всем христианским вероисповеданиям, и даже преследуясь вместе с сынами Агари ²⁶, разъединенные, разобщенные испокон всем, что только может на этом свете разъединять и разобщать, славяне, вопреки нерасположению, гневу и гонениям судьбы вековечно удерживали за собой одну тоску взаимного братского общения, для охранения коего всем жертвовали, всё готовы были вытерпеть, но язык, этот Соломонов храм ²⁷ единения и родственной любви, отстояли и не позволили иначе расстаться с ним, как вместе с жизнью. А уже никакое из наречий славянских не удалилось так одно от другого, не представляет собой такой разницы, какую находим между романскими и немецкими языками [...] ²⁸. Так, возьмем русского, охотящегося в якутских чащах и дебрях за соболями или занимающегося разведением шелковичных червей при подошве Арарата, и сведем его с тихим селянином на островах Спровы ²⁹, никогда не оставляющим своего захолустья, или с Черногорья, веч-

но стерегущего с *дуптой пушкой* (ружьем) в руках свои снежные вершины, последний приток свободы южных славян³⁰, или бедного кашеба (кашуба. – М.Д.), единственный остаток наших бес-талантных поморских собратий, моравца, богатого землевладельца берегов роскошной и плодоносной Ганы³¹ и поставим их с полудиким болгаром гор Рильских, чернорусом, погрязшим в своих Пинских болотах³², и увидим, что не пройдет четверти часа, а уже беседа у них будет в полном разгаре, славянская речь, словно чаша зелена вина, полетит от уст к устам и всё [с] такой не натянутостью, свободой, с обычной славянской сметливостью и расторопностью. Кто не видал или, по крайней мере, не слышал о *дратниках* (проволочниках), особенном сословии людей из Тренчинского округа в Северной Венгрии, словаках, обитающих в самом неблагоприятном и скудном крае, необозримой цепи голых и бесплодных скал, которые в своих сплошь обхватывающих холостяных изорванных гатях (штанах), изношенных *бачкорах* (род полусапог), в чумацкой рубахе, коротеньком, щитовидном плаще цвету телячьей шерсти, с длинными волосами, развивающимися по плечам, прикрытыми округлою шляпою с широкими полями, вечно со связкою *драту* (проволоки) в одной и бронзовой трубочкой в другой руке и вечно однообразным: «Koupte, rapaеcku!» «Купите, барин!».

Или кто не знает земляков их, *oleyкаров*, разносящих в ящиках за спиной под своими голубыми длинными плащами разного роду целительные, большей частью, невинные лекарства и известных у нас на Южной Руси под именем цесарцев, т.е. выходцев из Цесарии, Австрии, или же *платеников*, тех же словаков, странствующих по всей Европе с большими свитками *холста*, этого главного произведения рук наших соплеменниц с берегов Вага, Грона и Попрада, единственной отрасли промышленности в их каменистой родине, доставляющей сколько-нибудь значительный доход. Кто не знает, повторяем, этих трех славянских *особняков* (оригиналов), вечно одинаких, неизменных и в урочный час, тут как тут, являющихся с своими выробками (изделиями) к нашим услугам, и, что особенно важно, никогда и нигде не покидающих своего языка?³³ Один из них, зашедши в своих переходах даже в Теберду и восхищенный приемом тамошнего нашего главноначальствующего, писал оттуда в свое *Словенско* (Словакию) следующее: «Я сам ту односко бол у найяцкогo земапана, а сам з ним велице длуго млувил *словенски* о вшелияких вещех, а ту немци тузе плачу, же не могу як мы словаци беседоват по словенску з Руси, братры наши»³⁴.

На забуд[ьте], что есть поколения, никогда не бывшие ни в каком прямом или косвенном сношении в др[ругими] соплеменни-

ками своими, отдаленные на несколько сот и тысяч [верст] одно от другого, живущие целые столетия в ежедневном соприкосновении с чужеземцами, под их управлением, законами, их вероисповеданием и т.п., и, несмотря на всё это, на все препятствия и разобщение: местное, государственное, вероисповедное, язык этих поколений и языки собратий так близко доступны, свои друг другу, [язык] так чист и девствен сравнительно с прочими европейскими, так общ при всем своем разнообразном изменении, что, сообразив всё это, т.е. что всякий великий, многочисленный, разбросанный на огромном пространстве, распавшийся на нес[колько] *отраслей* народ не мог вместить всего себя в [...] ^{****} государ[ственное], [и], естественно, ищет, сосредоточивает всю свою деятельность, силится вылить, отпечатать все[го] самое себя в родном слове. Припомнивши себе это, ни мало не станем удивиться тому, что и они с такой неогран[иченной], теплой любовью, с таким рвением и страстью и вместе с так[ой] стойкостью и неутомимостью бросились на изучение или, правильнее, на усвоение всех наречий своего многоветвистого и богатого всеми благами слова человеческого, своего славного языка.

Да не то ли представляют взорам в древности греки, а ныне немцы, которые тоже, подобно нам, распавшись на несколько ветвей и не находя после напрасных попыток желанного единения в разного рода образах госуд[арственного] устройства и вероисповедания, обратили напоследок всю силу своего народного характера на язык и, т[аким] о[бразом], обрели в народной словесности исковую точку тяготения, равновесия, одинаково притягивающую всех и каждого и одинаково общую и драгоценную для сердца[...] ³⁵. Такая забота о чистоте языка своего составляет отличительное свойство нашего племени: ни к чему столько мы не ревнивы, как к этой примете нашего слова. Больше тысячи лет, например, живут среди немцев и с немцами сербы-лужичане, больше полутысячи – сербы южные и болгары под турецким игом, а много ли вкралось к ним иноязычных слов? Ничтожное число по сравнению с целым народом! Или много ли у нас чудского, татарского, взятого самим народом, а не людьми с пером в руках, беспрепятственно испещряющими свой язык чужой шутихой, решительно неизвестной простонародью.

А оттого наши наречия в течение целых веков испытали весьма незначительную перемену во внутреннем и внешнем составе, не выродились, подобно западным европейским наречиям, но составляют собою просто лишь видоизменения, разные образы выражения, раскрытия одного и того же славянского языка: сле-

**** Слово неразборчиво. Вариант прочтения – «тело».

довательно, это стремление славян еще более сблизиться между собою и уравнивать все неровности в языке, происшедшие от долгого разъединения, познать друг друга, таким образом, способствовать развитию и распространению мысли общения и единения в словесности, которая одна еще связывает их последней нерушимой цепью братства и согласия вопреки всему прочему раздробляющему, стремление зажечь жизнью общеколенной, все-славянской, значит, общими силами рука в руку, постараться усвоить себе всё, сделанное опередившими нас в просвещении, *переварить* и потом повести дело далее, приложить и свою лепту в сокровищницу человеческого ведения.

Западная Европа, по сознанию лучших сынов, *видимо стареет*³⁶, образованность хромает, мельчает; нужны новое вспахание, удобрение, новые делатели. Такие делатели в вертограде общечеловеческого образования всегда готовы у Провидения, которое, когда первые повершают свою задачу, склоняются постепенно к гробу, мало-помалу подготавливает им на смену, преемников их, кои поведут неоконченное далее, и тоже, в свою очередь, уступят другим, и, таким образом, преемственность эта продолжится, пока не сбудется, *яко же хоцет Господь*. Немецкие и романские народы получили в наследство римскую образованность, римляне взяли ее от греков, заимствовавших оную из Азии. И каждый из них полученное обрабатывал по-своему, совершенствовал и, отживая свое время, передавал новому пришельцу. *Теперь наступает преемственность нам, четвертому главному европейскому племени*; и мы тут являемся в самую пору, т.е. тогда именно..., когда приспела пора зрелости, действия нам своим умом.

Были другие на театре, нас не призывали, мы занимались другим; а именно: пеклись о спокойствии и благоденствии Европы, сторожили азиатские орды, бились с ними и не допускали мешать призванным прежде делателям на ниве просвещения, между тем возрастали с каждым днем более и более, приготавливали себя к ожидающему назначению в училище искусств. И каком училище! Собираются прежние богатыри оставить ристалище, и вот мы, прошедшие сквозь горнило тяжкого испытания, отразившие натиски сынов Азии, являемся на их место, готовимся всего прежде овладеть совершенным уже, изучить и пойти вперед, передать в свою черду следующим за нами перенести просвещение снова со сторичною лихвою туда, откуда оно вышло, в лоно его рождения, эту некогда столь образованную, светлую Азию, а ныне погруженную в такой густой мрак невежества. Высокое призвание!³⁷

Да не вечно же сидеть за школьной лавкой, не вековать же в рабочем подмастерии; надо когда-нибудь приняться и за свой ум-

разум, смекать своей головой, хотеть своей волей, чувствовать своим сердцем и работать своими руками и по своему крайнему разумению, по собственным понятиям и началам, быть, в свою очередь, творцом и отцом! Ныне мы, взятые все вместе, уже не слепо бросаемся на чужеземное, пристально приглядываемся: *что, как и где взять*. Не всё, что не свое, хорошо; а если и хорошо, смотрим: всё ли хорошо будет на чужой почве, можно ли его перенести туда безбедно для него самого и нас, вполне или же только часть, с ограничением, переменами, примется ли оно успешно и какие сулит плоды; к лицу ли будет нам занятое?³⁸ Словом, мы теперь перестаем быть жадными и неразборчивыми учнями, принимающими, что ни дается, за чистые деньги и с челобитьем, так по крайности поклонами в полпояса [...]³⁹.

Из этого отнюдь не следует, чтобы славяне не нуждались больше в помощи западных соседей, их опытности и знании, но, перестав быть школьниками, *scamnis adscripti*, могут уже, опираясь на приобретенные сведения и недоумнение, как должно приниматься за дело и с ним обходиться, что нас ждет, как пойдем: вправо, влево или прямой дорогой; они хотят и имеют на то полное право продолжать дальнейшее свое образование уже сами собой, не под досмотром какого-нибудь дядьки; они, выбравши предмет по своим силам, внутреннему признаку и способностям, желают научить его не по должности (*ex officio*), но по собственному убеждению в годности и важности его для себя. Это – делатели важные, пользующиеся только где нужно советом и опытностью других, получающие их не в виде непременных правил и аксиом, а скорее как свободные мнения людей свободных и знатоков предмета, сообщаемые таким же свободным [способом] на их усмотрение и выбор. Вся разница заключается не в совершенном избавлении себя от учения, но в образе и способе учения, необходимо изменяющемся с годами у людей и народов.

Славяне желают быть мыслящими учениками с правом выбирать для своих занятий ту или иную отрасль ведения, тот или другой учебник, больше в смысле советника, собеседника, а не беспогрешного школьного наставника, требуют позволения быть тем именно, чем были некогда теперешние их собратья в такую пору своей жизни в отношении к старшим себя, пока, *наконец*, не *омужали* и не сменили их собой. Это *предел*: *его же не перейдешь*.

Жизнь единиц и целых племен в своем постепенном развитии и преемстве во всем сходна с вечно одними и теми же 4-мя временами года, имеет свою весну и осень, лето и зиму. Славянское племя ныне вступает только в *лето* своей жизни. В этом-то, по нашему убеждению, состоит разгадка, отчего еще не время

требовать от них того, что имеют уже их учителя, дел и мыслей, опередивших их целыми столетиями; требовать прошедшего каких-нибудь греков, римлян и т.п. Подождите столько, сколько ждали первые и, может быть, больше по пословице «*Большому кораблю – большое плавание*». А с другой стороны, отчего *прошло* уже *время* держать их за доской и заставлять повторять их бесконечно *склады и зады*, осуждать их на вечное младенчество и отказывать даже в юношеском возрасте. Оба требования – незаконны, крайности; надо избрать *середину*, не быть [ни] *слишком* взыскательными, ни слишком недоверчивыми, *мерить* человека и народ *их мерилом* и обходиться с ними, как с таковыми, а не с другими, теми, что они суть.

Вот точка, с которой, как мы думаем, правильное всего можно судить славян, охватить одним разом всё их теперешнее стремление, точка настоящей оценки, верного взгляда на раскрываемую ими с каждым днем резче и резче самодеятельность и оттого возрастающую в такой же мере современную занимательность и важность их; точка, повторяем, условливаемая и объясняемая ходом естественного и необходимого развития собственной их жизни и жизни целого человечества. Это – роковая *необходимость* для славян: следовать иному направлению, действовать другим образом, короче, жить отличной жизнью от теперешней, при всей их доброй воле на это просто *невозможно*.

Но тут же, с тем вместе, такая же роковая обязанность смотреть на все их поступки и действия для каждого, кому дорога правда, кто заботится узнать народ во всей его нагоде, как он есть и иначе быть не может. Следственно, препятствовать славянам в этом их естественном и вместе необходимом, единственном и единомысленном стремлении к проявлению себя *своим* образом, т[о] е[сть] своей *особности, народности* в вернейшем отражении её, [в] родном языке, было бы не понимать того, с чем дело имеешь! Борьба с великаном, которого замедление только подстрекает и усиливает и который рано, поздно прорвет оплоты и окопы и раздавит своей тяжестью противников своих; значит, идти *противу* *высокого их назначения, менять их призвание и навязывать совершенно иное*. Кто же вы, посягающие на это так смело, передвигающие народы с места на место по своему усмотрению, словно игральные кости на шашечной доске? Кто, скажите, по вашему мнению, подрастает в приемники явно стареющего Запада по собственному его сознанию? Или, в самом деле, человечество достигло уже в нем крайнего своего совершенства, им должно всё повершиться, а остальной мир – дети отверженные, плоти, осужденные вековечно на *растительную* жизнь, между тем он один, вечный сосуд небренный, никогда в полноте своей не оску-

девающий, один он, о чем же благодарим Бога!

О нет, люди, вникавшие, сколько ни есть, в бытописание народов, сравнившие их прошедшее и настоящее, никогда не могут допустить подобного учения. Лучшие из западных умов, ученые и госуд[арственные] головы, обращающие свое внимание на теперешнее повсеместное, с таким замеч[ательным] согласием совершаемое движение славян[ских] племен к самостоя[тельному] развитию себя, и, свойств[енным] себе образом, к язычной литерат[урной] взаимности и своему славянскому взгляду на все прочие лица, по своему имени и месту пользующиеся чрезвыч[айно] высоким весом и влиянием внутри и вне, не только не встретили нас недоверчивостью, упреком, нерасположением и по поводу былого бранью и мерами противу этого стремления направленными, напротив, охотно и радушно приветствовали это новое явление, указывая непонимающим и не замечающим на всю важность и многозначительность для настоящего и грядущего. Приведем несколько примеров.

«Надобно позаботиться о средствах для свободного проявления своей народности всем западным и южным славянам, хоть бы то было и под чужим жезлом», — это, не забудьте, говорит В. Менцель, хорошо знакомый с нами, и человек, родившийся в землях славян, теперь, правда, обесславившихся; еще более сам славянин по происхождению, в чем и не кроется, но даже с некого рода самодовольством отзывается о том; родившийся на пределах того из наших племен, у кого мысль о славянской язычной взаимности прежде всего явилась, возлекая племением; Менцель — самый ревностный поборник всего немецкого, неутомимый преследователь чужого, вредного его родному⁴⁰.

Но самым блистательным примером того, как на нас и в этом случае смотрит Запад в лице избранных своих, служит основание кафедр славянских в новейшее время, цель коих — ознакомление со всеми нашими племенами во всех отношениях. Две из них учреждены в столице романского и немецкого образования, а 3-я на рубеже славянства⁴¹. Наконец, даже склонение соседней державы⁴² на сторону своих славянских подданных, превышающих числом своим слишком вдвое остальное, самое разнопестрое народонаселение.

Но не на всякую вещь можно смотреть с разных точек зрения. Так и тут не было недостатка в людях с черной душой и нечистой совестью, которым, бог знает почему, не нравилась эта новая деятельность славян, к[отор]ые видели в ней какое-то новое переселение народов, заговор противу целой Европы, в желаниии очистить язык от небольшой примеси чужих слов также стремление к очищению себя от всего иностранного накипа

умст[венной] обр[азованности] силились оподозрить. А когда было подвергнуто даже это слаб[ое] воплощение подозрению, не нашедши в нем не только никакой для себя предрекаемой опасности, на[против], еще стали пытаться осмеять его, следуя в этом каким-то задним мыслям. Но неудача и тут была их наградой. Здравый смысл большинства судей восторжествовал над завистью и недоброжелательностью темных Зоилов.

Да и в самом деле, ту самую вещь, к[отор]ую мы у себя находим, найдя ее лучшей, пред коей падаем на колена, идолопоклонствуем, потому что она наша, у нас пытаются пустить в посмеяние, пот[ому] только, что тоже и у других пользуется равной частью, не значит ли кощунствовать над всем дорогим, и свящ[енным] ч[е]л[ове]ку, судить и рядить повсеместно. Это было уже слишком плоско и отвратительно, чтобы увлечь кого-либо за собой, хоть игроки не щадили ничего для расшевеления народных страстей. Далее, чужое и свое так переплелось, что слилось между собою, это значит, что невозможно никакое отделение, разъединение их, и потому все подобные гласы суть просто Дон-Кихотские страшилища расстроенного воображения и даже нечистой совести. Где же стремления к чистоте языка доводило до кровопролитий народов? Где иноземное у славянского народа до того выеснило туземное, что восстановление последнего совершенно несбыточно? *Кто и где* это стремление проповедовал, если не прямо, то по крайности подразумевал? Нет вещи и ничего самого священного в свете, чем бы нельзя злоупотребить, но из боязни злоупотребления никто не станет запрещать того или другого. Судите по сделанному и что делается, а не потому, что *может* сделаться, произойти от превратности употребления, не поднимайте противу *народодвижения* еще раз *крестовых походов*. Иначе пришлось бы из страха злоупотреблений вовсе ничего не употреблять.

Уж коли зло пресечь –

Забрать все книги, да и сжечь...⁴³

И как можно отнимать у целого племени то, что составляет существенное отличие бытия разумного, без чего нельзя себе и вообразить, *свободу избирать, что кажется ему лучшим?* Не в том дело, чтобы совершенно очуждившееся, умершее навсегда, снова воскрешать, заставляя вновь родиться и быть тем, чем уже давно перестало быть, но в том, *чтобы удержат, что еще держится и держаться может*⁴⁴. Не все знают: коварство, насилие и тому подобное другое лишали нас того или, иного; многого мы сами были виною, поводом, многое случилось по нашему желанию, оплошности, промахом, неумению отстоять и пр.

Так хотите ли знать тайну онемеченья наших полабов? При-

помните же себе, как немцы, кончив свое переселение на Западе и Юге Европы и натолкнувшись там на равносильных народов, принуждены были вследствие большего или меньшего перевеса одной стороны над другой *смешаться* между собой и произвесть новые народы, немецкие, не имея уже никаких новых занятий тут, вдруг, всю толщею своей ринулись на Восток Европы. Поэтому этот поворот их к нам *лицом к лицу служил* тому, что они видели пределы своих владений с каждым днем более и более суживающимися, хотя и отпорным образом, или же потому, что люди и народы одинаково любят крайности, противоположности. Как бы то ни было, немцы всю свою деятельность со времени уничтожения Тюрингского царства, скрывавшего нас от взоров их, и основания немецкого царства⁴⁵ начали кровопролитные войны со славянами, наполнившие целые средние века и продолжавшиеся до новейшего времени. Они всегда действовали сообща под начальством воинственных и хитрых вождей своих противу плабцев, распавшихся на бесчисленное множество мелких общин, стало быть, лишенных уже одного из первых условий всяких успехов, общего главы, враждовавших вечно между собою и с того охотно принимавших сторону неприятеля противу собратьев; следствием этого была уверенность первых в своем предприятии и проигрыш последних, несмотря на всю отчаянную храбрость этих вендов, как они их называли, из коих каждое племя отдельно отстаивало свою независимость. Где нет согласия, там, по лагинской пословице, *et magna dilabuntur*⁴⁶.

Славные племена славянские, составляющие в эту пору самостоятельные государства, каковы чехи и поляки, не только не помогали темным иноземцам, но еще дружились с этими, посягая им всеми средствами, или же оставляли на произвол судьбы, а сами обоащались в противную сторону (например, поступки поляков с юморцами и стремление их на Русь). Оставленные всеми ближними и кровными, раздираемые усобицами, склоняемые даже собственными князьями к отщепенству, полабцы, естественно, должны были уступить сильнейшему в полном смысле слова. Да, князья их и многих других славянских племен были, не говоря уже о прочих известных и неизвестно обстоятельствах, *одною* из первых жертв самых сильных и действительных причин расславянения этих наших несчастных братьев, потому что они воспитаны были большею частью на чужбине (в духе противу-славянском) или же ослеплены придворным блеском немецких владетелей и рыцарским направлением, другие роднились только с чужеземками, никогда не изменявшими своему происхождению, третьи прямо были иноплеменники и как таковые ревностно распространяли своё: целыми толпами переселяли земляков в

свои новые владения, покровительствовали и осыпали их выгодами и тому под[обное], а подданных теснили всеми мерами, объявляя их неспособными отправлять общественные должности (Альтенбург), единственно по той причине, что были славяне, и даже под смертную казнию запрещающая всюду говорить языком отцов своих (Пруссия и п[одобные] ей).

Таким образом, прибалтийских славян – как бы не было, меньше, чем в 2 века; но *это* отнюдь не прежнее смешение народа с народом, подобное тому, какое видим в соединении немцев с народами романскими и которое возможно только там, где есть какое-нибудь, хоть отдалённое естественное расположение, влечение друг к другу, причем сильнейший числом и образованностью, твёрдостью характера, всегда одерживает вверх и на всё налагает свою печать. Нет, поморцы и немцы столько отличались своими внутренними и внешними качествами, столько заключали в себе несходного, отталкивающего, не уживающегося, что [ни] одно из этих племен, приготовленное судьбе на вечное общение с другим, отнюдь не смешалось с ним и [не] произвело новый народ, напротив, оно совершенно перелилось в это последнее, пало и исчезло, *онемело*⁴⁷. То самое случилось и с морейскими⁴⁸ нашими единокровниками, потому что причины и там и здесь были те же: они вовсе перелились в греков. «И преидоша из рода в род, и от языка в народ он»⁴⁹. Осталось только несколько слов от прежнего их языка да внешняя природа; местные названия и кой-что из нравов, обычаев, образа жизни и тому подобного, напоминающих еще по сию пору деисследователю и народописцу прежнее их происхождение, родословную.

Кто же был виною такого *обезьязыченья* славянского племени на пространстве слишком 4 тысяч квадратных миль и почти 20-миллионного народонаселения? Кажется, не меньше мы сами, как и добывавшиеся того инородцы. Немцы и греки делали то, что каждый бы на их месте делал, ища своих выгод, тем или другим образом, хотя, разумеется, несравненно с меньшим жестокосердием и крутостью, снискавшими особенно последними, столько лестное и завидное титуло *народогубителей*.

Мы своими усобицами, братской ненавистью и нетерпимостью помогли в их египетской работе и потом жестоко заплатились за это:

И вражды безумной семя,
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль в чужбину отошло...⁵⁰

Где же царствовало соглашение, племенное единодушие, там никакие натиски и погромы иноземцев не в силах были *обезнаро-*

дуть нас. Так, Лужицы, этот славянский островок на теперешнем немецком Море-Окияне, действуя заодно во всем с соплеменниками своими чехами, по сю пору уцелел и бережет свое славянство на славу сестрам и братьям своим. И, конечно, прильнувши еще тверже и единомысленно к общеславянскому телу, [можно] сохранить навсегда себя от одного из самых ужасных несчастий, какие только могут постигать какой-либо народ, *заживо похоронить себя*, отказаться от своего происшедшего и грядущего, растерзать собственную утробу руками своими, *народоотступничеством*.

О, этому не бывать, о, этому не бывать, пока лужичане будут помнить свое *сербство*, а мы видеть в них *кость от костей наших и плоть от плоти нашей!* [...] ⁵¹. Стало быть, главная задача великого и могучего славянского народа не в том, чтобы считаться с соплеменниками своими за дела прошедших дней, не в отщиплении – самом дурном доказательстве правости нашего дела и прав на потерянное невозвратно. Иначе, к каким страшным следствиям повело бы это желание вольных или невольных *отщепенцев*. Вспомните, у кого не пришлось бы одним немцам искать выдачи своих родичей? У пранемцев, начиная с герулов да лангобардов ⁵², у испанцев – готов ⁵³, у французов – франков, у англичан – англосаксов, а у нас – варягов. Следуя нашим старовеерам-историкам, нам выпало бы поставить вверх дном волохов, турков, мадьяр, итальянцев, особенно же немцев во всяком их поколении. Нет, трижды нет, не в стародавнем «зуб за зуб и око за око» задача славянская: «Было, быльем поросло!» Новь в том, чтобы вполне соответствовать великому назначению своему быть посредниками между просвещенной Европой и темной Азией, усвоить по себе и потом передать этой последней ее достояние и, следовательно, отблагодарить ее за первичное образование. ишедшее от нее миру.

Вот почему всюду видится это пламенное стремление славян как можно основательнее познакомиться с родным и родственным себе словом, эта неограниченная и страстная любовь к нему, это неукротимое преследование все разнообразных видоизменений его как в древних заплесневелых свитках, так равно и вечно подвижном, живом устном мире, эта беспредельная преданность своему призванию и всегдашняя готовность делиться приобретенным со своими братьями, короче, это *поклонение языку отцов*, который, по прекрасному замечанию западного соплеменника ⁵⁴, «есть дагерротип народа». «В нем, – продолжал он, – каждая черта, каждый волосок оттиснут, хоть того и не видит обыкновенный глаз. Известное изречение – “слова – сам человек”, но, мне кажется, не один лишь слог, но и самый голос есть не что иное,

как человек, так сказать, вывороченный во внешнее, есть второй, гораздо менее обманчивый, образ духа нашего. Всякий умеет различать голос ребенка, отрока и т. д. Личность и голос – одно; где есть сходство голоса, там находится [сходство] свойств наших. Еще более дух человеческий проявляет родственное с другим только посредством языка, которого голос олицетворение и который, поскольку он вырастает из самого ядра, нельзя ни у кого отнять, не отнимая вместе с тем и у себя самого. А потому отнимающий насильно язык у другого, убивает этим его. Какое чувство овладевает нами, когда мы вдруг неожиданно заслышим родной говор на чужбине! С каким доверием повинемся тому, кто приказывает нам что-либо на нашем языке, напротив, с каким унижением отворачиваемся от пренебрегающего нас!

А какого еще лучшего знака славы и всего народа, распространение языка его даже между чуждым, коим народы гораздо вернее покоряют, чем мечом и пушками? Разумеется, родной, хотя бы он владел им несравненно хуже, чем отцы наши. От всякого другого языка даже первого во всем народе, так и веет на нас холодом чужое, а язык и говорящий им уже не составляют собой одного и того же неделимого, но две различные вещи. Язык и народность тождественны; потому сохранение отечественного языка вовсе не себялюбие, но основание, на чем держится свет, начало бессознательной и свободной деятельности: признаемся сами перед собой и миром, что никто не может быть честным, как только отрекается от своего языка, потому что он с низкой целью отвергается самого себя, унижает свой народ» (Клацель. *Kosmopolitismus a vlastenectví*, ССМ, 1842, sv. II)⁵⁵.

Такое-то светлое понятие о себе вообще и своем настоящем и будущем проявляют славянские поколения в теперешних своих движениях. Вся их деятельность стремится к одному только и одним им объясняется духовное, истинно на евангельских началах опирающееся братское единение, умственный обмен помощью родного слова. Слово, написанное этим духом и снесенное на Урал и Кавказ, отдается в чешском и далматинском говоре, его понимают, ему сочувствуют и платят равным чувством за чувства, делом за дело, *взаимностью за взаимность*. Короче, славяне хотят идти к одной высокой цели, указанной им Провидением, *все вместе*, брат подле брата, рука в руку, *хотят всюду и во всем* преимущественно быть собой, славянами:

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил.

И родного слова звуки
Вновь понятны стали нам.
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам⁵⁶.

Вот м. г.г. (милостивые государи. – *М.Д.*) посильная попытка предоставить Вам верный образ теперешнего положения славян и их отношения к самим себе и другим. Намерение мое было с первого раза *освоить* Вас и указать, с кем мы с этого мгновения будем иметь дело, чтобы потом не грешить и не смешить своими мнениями и толками о них, знать, как и откуда следует на них смотреть, чего надеяться и вправе требовать. Изображение это писано с природы, кистью беспристрастной, с наглядного изучения их на месте, у себя дома, нараспашку. Это плод ближайшего знакомства с ними нескольких лет, прожитых среди них, где, располагая средствами, доставленными мне мудрым и далеко видящим правительством нашим в обилии, я имел случай книжные сведения свои проверить и расширить непосредственно вытекавшим из теснейшего общения с ними, другими словами, сблизиться с их радостью и горем, вникнуть пристальнее, куда и зачем они спешат, чего, как и для чего ищут. Вы видели их цель и средства к достижению этой цели – самые светлые, безукоризненные, возвышенные, человеческие. Слава же славным!

24/IX 1842 года, четверг, Москва.

¹ Москвитянин. М., 1842. С. 231 (Московская летопись).

² *Венедиктов Г.К.* К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // Советское славяноведение. М., 1983. №1. С. 91.

³ Korespondence Pavla Jozefa Šafařika. Vzájemné dopisy P.J. Šafařika s ruskými učenci (1825–1861) / Vyd. V.A. Francev. Praha, 1928. Č. II. S. 661–662; Praha, 1927. Č. I. S.65 (письмо П.Й. Шафарика к О.М. Бодянскому от 11 декабря 1842 г.)

⁴ Подробнее см.: *Кондрашов Н.А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1956; *Александрова Л.Н.* О.М. Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40–70-е гг. XIX в.). Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук М., 1973; *Она же.* Бодянский Осип Максимович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 78–81; *Ишутин В.В.* Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815–1848 гг. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 6–22; *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянский и Българското Възраждане. София, 1978; *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М., 1997. С. 40–108; *Смирнов С.В.* Осип Максимович Бодянский (1808–1877) // Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв.

М., 2001. С. 57–66 др.

⁵ *Срезневский В.И.* Вступительная лекция И.И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Ч. 287. №5. С. 111; *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянский и Българското възрождане. С. 28.

⁶ *Попов Н.А.* Осип Максимович Бодянский в 1831–1849 гг. // Русская старина. 1879. Т. 26. № 11. С. 473.

⁷ В дополнение к сказанному выше автору удалось найти в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ) письмо О.М. Бодянского к И.И. Срезневскому от 14 октября 1842 г., которое проливает дополнительный свет на обстоятельства, в которых была прочитана эта лекция. Оно подтверждает установленную нами датировку вступительной лекции и тот факт, что Бодянский испытывал при её подготовке острую нужду в литературе. Выясняется, что причиной такой поспешности в начале славистических чтений ученого было желание министра народного просвещения С.С. Уварова. Считаем необходимым привести выдержку из указанного письма О.М. Бодянского: «В средних числах прошлого месяца я благополучно ввалился в свою ненаглядную старушку, матушку Москву [...]. В ней я застал нашего министра [народного просвещения], который принял меня очень радушно, много и долго, по несколько раз, расспрашивал о заграничном славянстве, которое его чрезвычайно занимает. Никогда не думал я, чтобы он принимал такое участие [...]. Какая разница – Уваров 1837 и Уваров 1842 года! Вот что значит умный человек, понимающий свой век и желания народов! От него мы можем многого надеяться и много получить для своего славянства; решительно влюблен по уши в него, а известно, что любовь рада творить хотения сердца [...]. Желание его слышать что-нибудь с кафедры о славянщине как можно скорее так было велико, что мне едва дали опомниться от дорожной трясовицы и ровно спустя две недели по приезде встали меня на амвон и заставили баять вкривь и вкось о том, как за морем Варяжским синица живала и какие чуда видала! [...] Но начавши раз, надо было продолжать, и аз четырежды в седмицу благовещу оглашенным слово о славянах. Признаюсь, не имея ничего под руками, кроме двух-трех книжонок, известных Вам, и не надеясь скоро свою книжницу получить, которая-де, где-то ныряет по морю, мне довольно жутко теперь. Нельзя всего было удержать в своей каторбе, как говорят наши любезные чехи, а нынче, между тем, пришлось только ею одною пробавляться». См.: РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1168. Л. 4об.–5.

⁸ *Тун Л.* О современном состоянии чешской литературы и ее значении // Москвитянин. М., 1842. №10. С. 454.

⁹ *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–68.

¹⁰ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 144–146, 392.

¹¹ См.: *Dostal'ová M.* “Slovanská otázka” v názoroch grófa S.S. Uvarova // Slovánské štúdie. Btatislava, 1993. №1-2. S. 67–78; *Досталь М.Ю.* Славянский

вопрос в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 63–67; *Она же*. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. М., 1999. №5. С. 52–59 и др. Продолжение затронутой темы: *Шевченко М.М.* Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 году: С.С. Уваров и К.В. Нессельроде // Русский сборник: исследования по истории России XIX – XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 29–39. Автор предпринял повторную публикацию записки С.С. Уварова по славянскому вопросу, опубликованную нами в 1993 г., упрекнув нас в мифологизации понятия «теории официальной народности», по существу не поняв, как специалист по истории России, её, может быть, нетрадиционной славистической интерпретации. В результате, новая трактовка автором появления и содержания этой записки, без связи с реальным славянским контекстом, представляется малоубедительной, не разъясняющей сути предмета. Положительным моментом публикации, однако, является появление ее в русской научной печати.

¹² Korespondence Pavla Jozefa Šafařika... Č. I. S. 78.

¹³ *Алексашикина Л.Н.* О.М. Бодянский – первый славист Московского университета // Вестник Московского университета. М., 1973. Серия IX. История. С. 40–51.

¹⁴ *Срезневский В.И.* Вступительная лекция И.И. Срезневского... С. 112–133.

¹⁵ Далее следует образное развитие мысли о народе-юноше, творящем чудеса храбрости, но не замечаемом другими народами до времени своего возмужания.

¹⁶ Речь идет о Польше.

¹⁷ Речь идет о княжестве Само и Великоморавской держав.

¹⁸ Далее следует рассуждение О.М. Бодянского о смешанном характере английского языка, который, тем не менее, возвысился до степени одного из первенствующих языков в мире.

¹⁹ По-видимому, речь идет о трактате деятеля чешского и словацкого национального Возрождения, поэта Яна Коллара (1793–1852) «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», впервые опубликованном на немецком языке в 1836 г.

²⁰ Ошибка О.М. Бодянского. По данным П.Й. Шафарика, славянское население в Европе в совокупности составляло на 1842 год 78 691 000 человек. См.: Москвитянин. М., 1842. №9. С. 279.

²¹ Вероятно, речь идет о Карагеоргии (Karadorde), руководителе Первого сербского восстания 1804–1813 гг. против османского ига.

²² О.М. Бодянский, видимо, имел в виду Люмира или Забоя. Люмир – легендарный древнечешский поэт. Его имя с почтением упоминается его «последователем» Забоем в эпической песне «Забой и Славой» в поддельной Краледворской рукописи по образцу того, как автор «Слова о полку Игореве» вспоминал своего выдающегося предшественника – Бояна. Славой – брат певца Забоя, один из предводителей славянского войска, как это следует из содержания «песни».

²³ См.: *Шафарик П.Й.* Славянское народописание / перевод О.М. Бодя-

ского. М., 1843. С. 4. Здесь приведен другой вариант перевода этого отрывка из сочинения Шафарика.

²⁴ Рассуждение П.Й. Шафарика о народности и космополитизме перекликается с подобными же мыслями, высказанными в работе чешского публициста Льва Туна. См. сноску 8. Далее следует рассуждение Бодянского о трудности для каждого народа добровольно отказаться от своего языка.

²⁵ Хвалынское море – древнерусское название Каспийского моря.

²⁶ Речь идет о мусульманах. Согласно Библии (Ветхому Завету), Агарь является их родоначальницей.

²⁷ Миротворцу, царю Соломону Бог, по преданию, разрешил построить храм в Иерусалиме, где хранилась главная религиозная святыня иудеев – Ковчег завета.

²⁸ Далее О.М. Бодянский рассуждает о том, что европейцы говорят на германских и романских языках, и не могут с такой легкостью понимать друг друга, как славяне.

²⁹ Спрова, Спрева – славянское название реки Шпрее.

³⁰ Речь идет о Черногории.

³¹ Гана – река в Моравии, долина которой славится своим плодородием.

³² Пинские болота находятся в Белоруссии. Подробнее о черноруссах см.: *Боричевский И.П.* Руссы на южном берегу Балтийского моря // *Маяк*. СПб., 1840. Ч. 7. Гл. 3. С. 174.

³³ Дратники, олейкари, платеники – словацкие ходоки, разносчики, торговцы мелким товаром, вынужденные заниматься дальним извозом в виду недостатка средств к пропитанию. Дратники (проволочники, жестянички) торговали проволокой и изделиями из нее – мутовками, мышеловками и др., выходцы из Тренчанского комитата. Олейкари (из Турчанского комитата) торговали целебным маслом, изготовленным из хвойного дерева, сланика (местное название «косодрева»). Платеники (из Оравского комитата) торговали полотном, нитками, ситцем домашнего производства. Любопытно, что об этих словацких торговцах подробно рассказывал своим слушателям И.И. Срезневский. См.: *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 469–500.

³⁴ Перевод со словацкого: «Я был однажды в гостях у наяцкого вельможи и долго беседовал с ним по-словацки о всякой всячине, а эти немцы вечно жалуются, что не могут, как мы, словаки, беседовать по-славянски с нашими братьями, русскими».

³⁵ Далее О.М. Бодянский говорит о том, что греки и немцы в силу необходимости создали единый литературный язык. Для немцев это было особенно необходимо «при известном отдалении немецких наречий друг от друга», как «последний способ народного общения и единения».

³⁶ Мысль о «старении» и «гниении» Западной Европы была распространена у ряда западноевропейских и русских публицистов в начале 40-х годов XIX в. Французский литератор Ф. де Шаль в своей статье, опубликованной в «*Revue de deux mondes*» (1840, №11) писал об упадке западноевропейской цивилизации и

считал, что её восприемниками станут прежде всего два «юных» государства – Россия и США. С.П. Шевырев развил мысли Ф. де Шаля в программной статье «Взгляд русского на современное образование Европы» (Москвитинин, 1841, №1), где видел главное историческое предназначение России не только в восприятии и развитии далее западноевропейской цивилизации, но и в спасении Западной Европы от угрозы революции. Впоследствии об этом неоднократно писали сторонники теории официальной народности и славянофилы.

³⁷ Не исключено, что на «евразийскую» мысль об историческом предназначении славян нести просвещение в Азию натолкнуло О.М. Бодянского следующее место в статье Ф. Клацеля (см. далее, примечание 55): «Русские, которые обращены к Востоку, для того, чтобы передать европейскую цивилизованность в Азию, должны учиться азиатским наречиям» (С. 187).

³⁸ Вопрос о необходимости самостоятельного самобытного образования для России после того, как будут усвоены общечеловеческие основы западноевропейской цивилизации, неоднократно обсуждался в первых номерах «Москвитянина».

³⁹ Далее следует образное сравнение славян, стремящихся получить европейское образование, с купцами, покупающими «только одно, действительно хорошее, по мере надобности».

⁴⁰ Менцель Вольфганг (1798–1873), немецкий писатель и критик. Родился в г. Вальденбург (Валбжих) в польской Силезии. Известен своей крайней славянофобией.

⁴¹ К 1842 г. за пределами России было открыто 3 кафедры славистики: в 1840 – в Париже (А. Мицкевич), в 1841 – в Берлине (В. Цибульский) и Вроцлаве (Я.А. Смолер, затем Ф.Л. Челаковский).

⁴² Речь идет об Австрийской монархии.

⁴³ Точнее: «Уж коли зло пресечь: забрать все книги бы, да сжечь». Цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), действие 3, явление 21, слова Фамусова.

⁴⁴ В своем размышлении о необходимости не воскрешать, а лишь сохранять положительный опыт старины О.М. Бодянский в известной мере предвосхитил опровержения С.П. Шевырева, М.П. Погодина, А.С. Хомякова, И.В. Кириевского и др., появившиеся в «Москвитянин» в 1845 г. в ответ на обвинения их западниками в приверженности старине (Москвитянин. 1845. №2. С. 69, 82; №3. С. 9).

⁴⁵ Тюрингское «царство» (точнее королевство) существовало в V – VI вв. «Немецким царством» О.М. Бодянский, по-видимому, называет Восточно-Франкское королевство (IX – X вв.).

⁴⁶ Et magna dilabuntur – «и больше разрушается (распыляется)». О.М. Бодянский, видимо, перефразировал латинскую пословицу «Male parata male dilabuntur» – «что дурно добыто, то дурно расточается».

⁴⁷ Здесь О.М. Бодянский повторяет мысли немецких ученых об особом характере смешения немецкого и славянского населения, в отличие от романского и германского. См.: Москвитянин. М., 1841. №4. С. 136.

⁴⁸ Морея – славянское название полуострова Пеллопоннес на юге Греции.

⁴⁹ «И преждоша из рода в род и от языка в народ он» – цитата из церковно-славянского перевода Библии.

⁵⁰ Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «К Ганке». 26 августа (6 сентября) 1841 г.

⁵¹ Далее приведено стихотворение на сербо-лужицком языке, прославляющее национальность лужичан. Его автором мог быть А. Зейлер (1804–1872) или Я.П. Йордан (1818–1891).

⁵² Герулы – племя северных германцев, с III в. продвинувшихся на юг и основавших в начале VI в. на Дунае свое «царство» (королевство). Вскоре были разгромлены лангобардами – племенем восточных германцев, которые в середине VI в. завоевали большую часть Италии и основали королевство лангобардов. К формированию немецкой народности герулы и лангобарды имели весьма отдаленное отношение. В этом неточность О.М. Бодянского.

⁵³ Готы – племя восточных германцев, в III в. обитавших в Северном Причерноморье. О.М. Бодянский, видимо, имел в виду одну ветвь их потомков – вестготов, которые в V в. основали королевство вестготов на территории Южной Галлии, а затем и большей части Пиренейского полуострова (современная Испания).

⁵⁴ Клацель Франтишек (в монастыре Матоуш) (1808–1882) – деятель чешского национального Возрождения, поэт, публицист и философ. В 30-е – в начале 40-х годов был библиотекарем августинского монастыря в Брно и профессором философии в тамошнем Епископском институте. Активно сотрудничал в патриотическом «Журнале Чешского музея», писал статьи по философии и эстетике. Приверженец гегелевской философии.

⁵⁵ *Klaczal F.M. Kosmopolitismus a vlastenectví s obzvláštním pohledem na Moravu // Časopis Českého museum. Praha, 1842. Sv.2. S. 182–183.* В этой статье Ф. Клацель развивает гуманистические идеалы всеобщего культурного сплочения и объединения человечества в будущем.

⁵⁶ Последние две строфы из цитировавшегося выше стихотворения Ф.И. Тютчева «К Ганке» (1841). В современном печатном варианте: «И наречий братских звуки». Примечательно, что две заключительные строки приводил в своей вступительной лекции в Харьковском университете 16 октября 1842 г. и И.И. Срезневский. См.: *Срезневский В.И. Вступительная лекция И.И. Срезневского ... С. 123.* В письме И.И. Срезневскому от 24 марта 1842 г. В. Ганка писал: «Кто-то мне послал также письмецо по почте, в котором, если я верно читаю, написано следующее». Далее приводится текст стихотворения Тютчева, помеченного «Прага, 6 сентября 1841 г.», со строчкой, воспроизведенной Бодянским: «И родного слова звуки» См.: РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 6. Д. 6. Л. 21 и 21 об.

Заключение

Становление славистики в Московском университете прошло в своем развитии несколько этапов. В данной книге в очерковой форме представлен первый из них. Как известно, славяноведение как наука представляет собой комплекс филологических и исторических дисциплин. На начальном этапе институализация этой сферы научного знания происходила на базе филологической науки, о чем свидетельствовала и организация кафедр истории языка и литературы славянских наречий в четырех российских университетах по новому университетскому уставу 1835 г. Но, как показало наше и другие исследования, на новой кафедре, а также вне её, историческая составляющая славистики ярко проявилась и в лекциях историка М.П. Погодина, и в чтении главы «скептической школы» в русской историографии М.Т. Каченовского, и в курсе слависта нового поколения О.М. Бодянского.

Примечательно, что все названные российские ученые в своих лекциях опирались на труды корифеев тогдашней западнославянской славистики – Й. Добровского, П.Й. Шафарика и др., но, тем не менее, внесли много нового и проявили самостоятельное видение предмета в соответствии со своим мировоззрением: рационально-просветительским (М.Т. Каченовский) и романтическим (М.П. Погодин и О.М. Бодянский). Различие методологических подходов не помешало первым университетским славистам проявить удивительное чутье в оценке перспектив самостоятельного развития ряда славянских языков и литератур. Особенно наглядно это проявилось в отношении словаков.

Объективно лекции первых преподавателей славяноведения в Московском университете были весьма содержательными, представляли новый предмет во всей возможной для своего времени полноте, с изложением разных трактовок и мнений, существующих в историографии по тому или иному вопросу, и могли много дать заинтересованным слушателям, готовым вступить на поприще славистики. Однако не следует забывать и о том, что субъективно студенты пока не были подготовлены к восприятию ранее неизвестной на факультете дисциплины, с чем наиболее явственно столкнулся профессор М.Т. Каченовский, затем отчасти О.М. Бодянский и другие слависты.

Тем не менее, можно констатировать, что первые опыты становления славистических дисциплин в Московском университете были успешными и заложили прочные основы для развития этой науки в стенах старейшего высшего учебного заведения России на протяжении уже 170 лет.

Библиография научных работ М.Ю. Досталя за 2003 – 2004 гг. (с добавлениями)¹

162. Институт славяноведения и балканистики РАН (К 50-летию его создания) // Славистичні студії Т. 1. Матеріали V-го Міжнародного славистичного коллоквиуму (Львів, 14–16 травня 1996 р.) Львів: Львівський державний університет, 1997. С. 22–27.
163. Славист Ю.И. Венелин в кругу идей романтизма // Мир романтизма. Материалы международной научной конференции «Мир романтизма» (Х Гуляевских чтений). Тверь, 12–15 сентября 2002 г. Тверь: Тверской гос. университет. Научно-исследовательская и учебная лаборатория комплексного изучения проблем романтизма. 2002. Вып. 6 (30). С. 348–356.
164. Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах. 2001. Москва: «Индрик», 2002. С. 304–319.

2003

165. Проблемы истории российского славяноведения в «Ученых записках Тартуского университета» 70–80-х гг. XX в. // 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Slavica Tartuensia. V. С. 202–212.
166. Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М.: «Индрик». С. 253–290.
167. Становление кафедры славянской филологии в ЛГУ // Проблемы славяноведения. Брянск: Изд. БГУ. Вып. 5. С. 32–47.
168. Международная конференция «Национально-культурное возрождение славянских народов и Карпатский регион (К 200-летию со дня рождения Ю.И. Венелина)» // Славяноведение. М. №1. С. 115–117. (Сов. авт. С.М. Фалькович)
169. Рец. на кн.: «Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2000. Díl I. 1919–1929. 368 s.; Praha, 2002. Díl II. 1930–1939. 640 s.» // Славяноведение. М. №4. С. 104–105.
170. Памяти С.В. Смирнова // Славяноведение. М. №4. С. 123.
171. Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948) (К 60-летию ее основания) // Славяноведение. М. №5. С. 32–47.
172. Международная конференция «200 лет русско-славянской филологии в Тарту» // Там же. С. 107–111.
173. А. Духнович в интерпретации русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Олександр Духнович і наша сучасність. Міжнародна наукова конференція, присвячена 200-літтю від дня народження О. Духновича. Тези доповідей. Пряшів, 20–21 червня 2003 р. Пряшів: Пряшівський університет. С. 41.

174. Украинская славистика в канун и в годы Великой Отечественной войны // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М.: «Наука». С. 347–354.

175. Материалы круглого стола: Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период) // Там же. С. 143, 159, 170–174, 182.

176. Научные связи советских славистов со славянскими учеными в 40-е гг. XX в. // Межславянские связи и взаимодействие в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Брянск: Изд. БГУ. С. 16–19.

177. Труды С.Б. Бернштейна в области истории славяноведения // Проблемы славяноведения. Брянск: Изд. БГУ. Вып. 5. С. 219–225. (Соавт. А.Н. Горяинов).

178. О.М. Бодянский в кругу идей Я. Коллара // Науковий вісник Ужгородського університету. Ужгород. Серія історія. Вип. 8. С. 79–85.

179. Международная конференция «Национально-культурное возрождение славянских народов и Карпатский регион (К 200-летию со дня рождения Ю.И. Венелина)» // Там же. С. 183–185. (Соавт. С.М. Фалькович).

180. История Словакии. М.: «Евролинц» (подготовительные материалы к Предисловию русского издания)

181. А.В. Духнович в освещении карпатоведа Ф.Ф. Аристова // Науковий вісник Ужгородського університету. Ужгород. Серія історія. Вип. 9. С. 209–213.

182. С.Б. Бернштейн. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Изд. МГУ, 2002 (фактически книга вышла в конце 2003 г.) [одна из составителей комментариев и аннотированного алфавитного указателя].

183. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М.: «Полиграф Сервис». 584 с.

184. Перевод с чешского: Панек Я., Пешек И. Историки против насилия над историей. Точка зрения Содружества историков Чешской Республики // Славяноведение. М. №1. С. 43–56.

2004

185. Русско-славянский календарь на 2004 год. Брянск: Изд. БГУ. 232 с. (Соавт. И.В. Чуркина, В.Д. Малюгин, И.И. Бучанов и др.)

186. Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах. 2003. «Индрик». С. 244–294.

187. К юбилею словацкого историка Татьяны Ивантышиновой // Славяноведение. М. №3. С. 101–102.

188. Кафедра истории южных и западных славян МГУ накануне и в годы Великой Отечественной войны (К 65-летию основания) // Там же. №4. С. 48–67.

189. Международная научная конференция в Прешове «Александр Дух-

- нович и современность» // Там же. С. 114–119. (Соавт. И.В. Чуркина)
190. К юбилею Андрея Николаевича Горяинова // Там же. №5. С. 124–125.
191. И.И. Срезневский и его роль в истории отечественного славяноведения // Славянский вестник. М.: Изд. МГУ. Вып. 2. К 70-летию В.П. Гудкова. С. 75–82.
192. Кафедра истории южных и западных славян в МГУ в первые послевоенные годы // Проблемы славяноведения. Брянск. Изд. БГУ. Вып. 6. С. 129–142.
193. На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотношения. М.: «Стратегия» (участник 2 и 3 круглых столов).
194. Некоторые тенденции в освещении Закарпатья в трудах ужгородских ученых последнего десятилетия // Интернет-сайт Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. Тезисы доклада. www.vostslavia.narod.ru
195. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. Москва: «Археодоксия». С. 30–47.

Составил И.И. Бучанов

¹ Библиография научных работ М.Ю. Досталь за 1974–2002 гг. опубликована в кн.: *Досталь М.Ю. И.И.Срезневский и его связи с чехами и словаками.* М., 2003. С. 538–553.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агарь 70, 85
Александр II 6
Алексашкина Л.Н. 46, 82, 84
Али-паша из Янины 52
Амурат (Мурад I) 51
Астахов В.И. 44
Афиани В.Ю. 14
- Байза** Й.И. 22
Бандтке Е.С. 10, 82
Барсуков Н.П. 15, 83
Бартоломеидес Л. 27
Бауринг Д. 44, 47
Беляев И.Д. 14
Бернолак А. 21–23, 30, 32, 33, 36, 41, 42, 47
Бернштейн С.Б. 43
Бецкий И.Е. 16, 29, 42, 49, 50, 54, 57
Бжестианский 23
Билунов Б.Н. 16, 36, 42
Бодянский О.М. 2–5, 10, 11, 25–31, 33–35, 44–46, 48, 55, 59–65, 82–88
Болеслав 67
Борис I (Богорис) 53
Боричевский И.П. 85
Боян 67, 84
Бранковичи 51
Буслаев Ф.И. 9, 49, 57, 58, 63
Бутвин Й. 44
- Валашик** 23
Василий II Болгаробойца 53
Венедиктов Г.К. 15, 17, 42, 43, 48, 49, 56, 57, 82
Венелин Ю.И. 9, 13, 19, 43, 54, 56, 57
Волков В.К. 83
Ворбс Я.Б. 50
- Габсбурги 32, 36
Гаврилов М.Г. 19, 54
- Гамбургер А.Ф. 48
Ганка В. 6, 9, 63, 87
Геххарди 54
Гегель Г. 62
Гердер И.Г. 62
Гизо Ф. 8
Гильфердинг А.Ф. 45
Гоголь Н.В. 6
Голицын Д.В. 63
Голлый Я. 21, 23, 36, 42
Грибоедов А.С. 86
Григорович В.И. 30, 35, 55
Гримм Я. 63
Гуса В. 45
- Данте Алигьери 66
Добровский Й. 3, 6, 9, 10, 18, 20–22, 24–26, 28–30, 42, 44, 45, 47, 49, 88
Долежал П. 22
Доленга-Ходаковский З. 12
Дон-Кихот 77
Досталь М.Ю. 2, 4, 5, 14, 15, 42, 43, 45, 46, 57, 83, 85
- Елизавета Петровна** 51
- Жижка** Я. 67
- Зайцева А.А. 42, 44
Забой 84
Залан 25, 44
Зейлер А. 87
Зоил 77
- Игорь** 84
Иордан Й.Х. 22
Иосиф II 32, 36, 41, 47
Иракий 50
Искра Я. из Брандыса 28, 38, 46
Ишутин В.В. 82

Йордан Я.П. 87

Каменский З.А. 15

Карагеоргий 51, 52, 57, 67, 84, 87

Караджич В.С. 6, 9, 63

Карамзин Н.М. 12, 17

Карпов С.П. 3

Каченовский М.Т. 2–5, 10, 14–20,

25–38, 42, 43, 45, 47–59, 88

св. Квирин 47

Кёппен П.И. 9, 23, 24, 28, 30,

33, 42

Киреевский И.В. 86

Киреевский П.В. 15

Кирилл (Константин) 6, 9, 26, 29,

31, 39, 43, 46

Клацель Ф.М. 61, 81, 86, 87

Коллар Я. 6, 16, 21–26, 30, 33, 36,

42, 44, 46, 84

Кондрашов Н.А. 45, 82

Константин VII Багрянородный 54

Копитар Б. 6

Кочубинский А.А. 17, 18, 42, 43

Крайчович Р. 45

Крум 44

Кухарский А. 9

Лавров П.А. 44

Лазарь 51

Ламанский В.И. 15

Лапгева Л.П. 3, 4, 42, 43

Лациок М. 23, 42, 44, 46

Лембке 11

Лешка С. 23, 27

Линде Б. 6

Литаврин Г.Г. 57

Люмир 84

Маймин Е.А. 14

Макарова Г.В. 17, 42, 48, 56, 57

Мария Терезия 32, 41, 47

Матула В. 44

Мацеёвский В. 11

Менцель В. 76, 86

Мефодий 6, 9, 26, 29, 31, 39, 43, 46

Милош Обренович 51, 52

Минкова Л. 82, 83

Мицкевич А. 86

Морошкин Ф.Л. 13

Нессельроде К.В. 84

Нестор 9, 12

Никулина М.В. 43, 57

Палацкий Ф. 6, 9

Палкович Ю. 22, 23, 47

Петр I Великий 11, 67

Петр III 52

Петр и Асень 53

Петр Петрович Негош 52

Петров Ф.А. 14

Плеханов Г.В. 15

Погодин М.П. 2, 4–15, 43, 54, 59,

62, 64, 83, 86, 88

Полуденьский М. 43

Попов Н.А. 9, 14, 83

Поулик Й. 46

Прейс П.И. 30, 34–36, 45, 55

Прокопий Кессарийский 38, 46

Прокопиус 23

Пруно Я. 31, 41, 47

Пушкин А.С. 6

Разумовский А.К. 17

Раич Й. 54, 57

Рибаи Ю. 22, 40, 47

Розенбаум К. 44

Рокина Г.В. 44

Румянцев Н.П. 42

Савинич И. 11

Салтыков-Щедрин М.Е. 16, 49

Самарин Ю.Ф. 14

Само 66, 84

Сватополк 66

Святослав 67

Сильван Я. 31, 41, 47

Славой 67, 84

- Смирнов Л.Н. 44
Смирнов С.В. 82
Смолер Я.А. 86
Собеский Я. 67
Соломон 70, 85
Срезневский В.И. 83, 84, 87
Срезневский И.И. 11, 27, 30, 34, 35, 36, 42, 45, 46, 55, 58, 63, 64, 83, 85, 87
Станислав Я. 42
Степан Малый 52
Стефан Душан 67
Стефан Неманя 50, 51
Строганов С.Г. 43, 63
- Таблиц Б. 22
Таборский Я. 31, 41, 47
Тассо Торквато 66
Терещенко В.К. 14
Тибенский Я. 44
Титов А.А. 46, 64
Трановский Ю. 32, 41, 47
Трубачев О.Н. 29, 43
Тун Л. 83
Тунманн Й. 57
Тютчев Ф.И. 6, 87
- Уваров С.С. 6, 9, 63, 83, 84
Умбрашко К.Ю. 14
- Фандлы Ю. 22, 23, 33, 41, 47
Фамусов 86
- Фердинанд Габсбург 32
Францев В.А. 46, 82
- Хомяков А.С. 86
- Цибульский В. 86
- Челаковский Ф.Л. 86
Черкасский В.А. 14
Чуркина И.В. 2
- Шаль Ф. де 85, 86
Шафарик П.Й. 3, 4, 6, 9–14, 16, 19–36, 42, 44–46, 49–61, 63, 70, 82, 84, 85, 88
Шевченко М.М. 84
Шевченко Т.Г. 46, 60
Шевырев С.П. 6, 8, 9, 62, 63, 86
Шеллинг Ф. 7, 62
Широкова Е.В. 14
Шишков А.С. 18, 42
Шлёцер А.Л. 9, 12, 57
Штур Л. 16, 21, 30, 34, 36, 42, 44, 46
- Эверс И.Ф.Г. 12
Энгель И.Х. 54, 57
- Юнгман Й. 6, 30, 63
- Ягич В.И. 43

Оглавление

Предисловие	3
1. Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844).....	6
2. «История языка и литературы словаков» в лекционном курсе М.Т. Каченовского	16
3. М.Т. Каченовский. История языка и литературы словаков	38
4. Лекции М.Т. Каченовского по истории южнославянских народов в Московском университете	48
5. Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.)	59
6. О.М. Бодянский. О судьбе народов.....	65
Заключение	88
Библиография научных работ М.Ю. Досталь за 2003–2004 гг. (с добавлениями). Составитель И.И. Бучанов	89
Алфавитный указатель	92
Оглавление.....	95

Уважаемые читатели!

**Издательство «Компания Спутник+»
и редакция журналов**

«Актуальные проблемы современной науки», «Аспирант и соискатель», «Вопросы гуманитарных наук», «Вопросы филологических наук», «Вопросы экономических наук», «Современные гуманитарные исследования», «Проблемы экономики», «Исторические науки», «Педагогические науки», «Юридические науки», «Естественные и технические науки», «Медицинские науки» и «Техника и технология»

предлагают Вам опубликовать:

- монографии, научные труды любыми тиражами (от 50 экз.);
- научные статьи для защиты диссертаций в наших журналах;
- книги, стихи малыми тиражами (от 50 экз.);
- авторефераты диссертаций (100 экз. за 1–3 дня).
- Все издания регистрируются в Книжной палате РФ и рассылаются по библиотекам России и СНГ.
- Осуществляем компьютерный набор и верстку, а также полиграфические работы (визитки, бланки, листовки, переплет).
- Приглашаем к сотрудничеству авторов учебной, справочной краеведческой и другой популярной литературы.
- Оказываем помощь в реализации книжной продукции.

Тел. (095) 730-47-74, 778-45-60 (с 9 до 18)

<http://www.sputnikplus.ru> E-mail: sputnikplus2000@mail.ru

Научное издание

Досталь Марина Юрьевна

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВИСТИКИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В СВЕТЕ АРХИВНЫХ НАХОДОК

Избранные очерки

Издательство «Компания Спутник+»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8а

Тел.: (095) 730-47-74, 778-45-60 (с 9 до 18)

ЛР № 066478 от 30.03.99

Налоговые льготы в соответствии с ОК 005-93

Том 2 95 3000 – Книги и брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000399.02.05 от 02.02.2005 г.

Подписано в печать 07.07.2005. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6. Тираж 100 экз. Заказ 180.

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»

ПД № 1-00007 от 28.07.2000

